

РОМА НЬЮМАН
ЧЕЛОВЕК-
РАДАР

Наши там (Центрполиграф)

Рома Ньюман
Человек-радар

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Ньюман Р.

Человек-радар / Р. Ньюман — «Центрполиграф», 2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09103-1

Провинциальный городок Серпейск – странное местечко. Здесь оживают городские легенды, за власть на улицах борются китайская триада и алчные телепаты, а в небе кружат полицейские дирижабли. Главный герой, частный детектив, обладающий уникальным даром, – пожалуй, единственный, кто может навести порядок. И хотя он, раздираемый внутренними противоречиями, совсем не горит желанием решать проблемы целого города, но сама Судьба подталкивает его на борьбу со злом.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09103-1

© Ньюман Р., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1. Охотники за девушкой	6
Глава 2. Опасность – моя профессия	19
Глава 3. Падшие ангелы	29
Глава 4. Липучка для мух	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роман Ньюман

Человек-радар

– Я думаю, вы детектив, – сказал он. – Ловкий детектив.
– Просто частный сыщик, – ответил я. – И не очень
сообразительный. Пусть вас не вводит в заблуждение мой высокий лоб.
Это у нас семейное.
Р. Чандлер. Свидетель

© Ньюман Р., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

Глава 1. Охотники за девушкой

Женя позвонил посреди недели и спросил, не работаю ли я в настоящий момент над каким-нибудь дельцем. Я поспешил убавить звук на компьютере как раз в тот момент, когда джип нашего отряда разбомбил вражеский гранатометчик, и осторожно заметил, что хотя и занят по уши, но от халтурки не откажусь.

Тогда Женёк начал пространно рассказывать о некой девчонке, с которой когда-то учился в одном классе. Теперь Анастасия Пашутина преподаёт танцы и воспитывает тринадцатилетнюю сестру в отрыве от родителей. Дама в беде и подозревает, что её Алёнка попала на удочку очередной виртуальной секты а-ля «Синий кит». В полиции сигнал всерьёз не восприняли, и девчонка решила искать поддержки у пятой власти. Так она вспомнила о Женьке, который получил уже определённую известность как блогер, освещающий разного рода происшествия в нашем славном Серпейске. Женя в свою очередь решил перенаправить Настю в частное детективное агентство «Следопыт». То есть ко мне.

– В общем, Настыка подозревает, что дело нечистое, – заключил Женёк. – Я сразу вспомнил о тебе и сказал, что, дескать, есть один толковый частный сыщик. Настоящий Шерлок Холмс. Она очень заинтересована в твоей помощи.

– Приятно было об этом узнать. Но ты забыл, что я не занимаюсь подобными расследованиями. Моя специализация – розыск пропавших. Кто-нибудь пропал?

– Пока нет.

– Вот когда пропадет, тогда звони.

– Да типун тебе на язык!

– Тоже верно, но куда все в наличии, я вряд ли чем смогу помочь.

– У нее есть сбережения...

– Дело не в деньгах, старичок. Дело в специфике. Не мой профиль.

– Я думал, частные детективы берутся за любую работенку.

– С чего ты взял?

– У Чандлера брались. И у Хэммета тоже.

– Они жили в суровой Америке. Отечественные детективы могут себе позволить слегка поразбрасываться клиентами.

– Слушай, я серьезно. Всего одна консультация – для ее успокоения.

– Не-а.

– Я тебе заплачу.

«Чего это наш блогер так старается склонить меня к сотрудничеству?» – подумал я.

– У нее школа танцев, говоришь?

– Именно!

– Небось, и фигурка что надо?

– Ну...

Я победно засмеялся.

– Так вот где собака зарыта! Свой шкурный интерес имеешь. А меня решил использовать как трамплин?

– Если поможешь – с меня пуэр двадцатипятилетней выдержки! Я за ней еще в школе бегал. Ну что тебе, трудно приехать в кафе, с важным видом послушать стенания бедной девушки, а потом заверить, что все опасения беспочвенны?!

– Вообще-то, все тобой перечисленное стоит в разы дороже плюшки чая.

Женя вздохнул:

– Ладно, друже... Я не хотел этого говорить, но ты не оставляешь мне выбора. Твоя реклама...

– Так, все... Не продолжай!

Женя пошел с козырей. Будучи владельцем паблика с несколькими тысячами подписчиков, что для городка с населением в двести тысяч довольно нехило, Женёк постоянно и очень активно пиарил частное детективное агентство «Следопыт», директором и единственным сотрудником которого являлся я. Его доброе слово, разнесенное во все концы Серпейска, побуждало людей, разыскивающих пропавших мужей, собачек или любимые сережки, обращаться ко мне. В отличие от многих собратьев по детективному ремеслу, вынужденных хвататься за сомнительные делишки, я далеко не бедствовал и в самом деле мог позволить себе право выбора очередного заказа. За рекламную поддержку давний приятель не брал ни копейки, тем самым ставя меня в неловкое положение. Едва ли он бы и впрямь перекрыл маркетинговый кислород, но Женя являлся одним из немногочисленных людей, кому мне было совестно ответить отказом.

– Всего одна встреча, – сказал он. – Посидим, пообщаемся. Я уверен: там ничего серьезного.

Короче, я не отвертелся.

Мы договорились встретиться в «Стекляшке» – кафе в центре города с огромными панорамными окнами вместо стен.

Поскольку важных дел у меня не нашлось, я приехал за час до назначенного времени. Машину оставил возле кафе, перешел дорогу и завернул за трехэтажный торговый центр. Там, в переулке между разгрузочной площадкой и старой водонапорной башней, иногда можно было застать Маляра, пожилого уличного художника. Сворачивая к водонапорке, вы в любой момент могли наткнуться на мольберт, готовый к работе. А могли увидеть лишь пирамиды деревянных ящиков да перекуривающих грузчиков-китайцев. Маляр не имел четкого расписания.

Он не походил на типичного уличного художника. Не носил пестрых шарфов и велюровых беретов. Маляр предпочитал простые рубашки и пятнистую армейскую куртку. Он не размахивал изящно изогнутой курительной трубкой, а беспрестанно дымил сигаретами без фильтра. И наконец, Маляр не имел взъерошенной шевелюры. Его короткие седые волосы всегда были аккуратно зачесаны набок.

Когда-то в 90-х он зарабатывал на жизнь тем, что изготавливал фальшивую валюту. Подделки получались высочайшего качества – особенно баксы. А вот на нары он угодил из-за доноса одного из подельников.

Отмотав приличный срок, Маляр вышел на свободу в совершенно иную эпоху. Нашел себя в качестве портретиста. Как оказалось, изображать людей – единственное, что теперь Маляр мог делать без ущерба для своего психического здоровья. По его собственным словам, если он возьмется за какое-то другое направление живописи, может случиться нервный срыв. В такие моменты художник бросает все, становится агрессивным и уходит в запой. А вернуть «настройки по умолчанию» сможет только новый, качественно написанный портрет. Такая вот история...

Я не знал, как Маляра зовут на самом деле. Не имел понятия, где он живет и чем занимается, когда не рисует. Он либо здесь, в переулке между разгрузплощадкой и серой водонапорной башней, либо растворяется где-то в просторах Вселенной.

Мы познакомились полгода назад. Я тогда вел слежку и, дабы не вызывать подозрений, подсел к художнику и заказал простенький шаржик. Работу свою он закончил аккуратно к тому моменту, когда объект двинулся дальше, и мне пора было отчаливать, но до того мы успели неплохо и весьма душевно пообщаться. В дальнейшем я стал регулярно навещать Маляра поболтать о том о сем и разделить с творческим человеком тяжесть душевных терзаний. Он стал для меня кем-то вроде понимающего бармена из американского кино.

– Я не спрашиваю, к чему тебе столько портретов, – говорил Маляр, делая наброски. – Но меня интересует, достойно ли ты их хранишь?

Я в очередной раз взглянул на него с уважением. У Маляра был очень ровный голос. Уверенный в себе человек. Крутой мужик.

– Помещаю в рамки. Целую пачку купил.

– Этот портрет у нас каким по счету будет?

– Восьмым вроде...

– А предыдущие семь сложил стопочкой в столе?

– Расставил вдоль стены в комнате для медитаций.

Седая бровь Маляра причудливо изогнулась.

– У тебя есть комната для медитаций?

– Да.

– И в ней ты расставил семь своих портретов?

– Ага.

– Странный ты парень.

– Чья бы корова мычала.

– Я – старик. Старикам положено быть странными.

Я, решив не развивать тему, посмотрел на часы.

– Что-то сегодня дольше обычного.

– Так и ты не такой, как обычно. Спешешь?

– Встреча через пять минут. Не хочу опаздывать.

– Опаздывать и не нужно.

Маляр отложил рабочий инструмент, поднял на меня живые, светло-голубые глаза.

– Позже закончу. Наброски готовы, так что можешь идти.

Я поднялся со стула, украдкой попытался рассмотреть эскиз. Но Маляр шустро прикрыл работу чистым листом. Я полез за деньгами.

– Оплата потом, – остановил меня художник, – по окончании.

– Когда приехать за картиной?

– Я позвоню.

– У тебя ж нет моего номера.

– Пока нет.

Маляр смотрел на меня с веселой полуулыбкой. Я хмыкнул, достал визитку, протянул художнику.

– Частный детектив... Интересная профессия?

– Захватывающая.

– Позвоню, когда ты будешь готов.

– Я?

– Ты. На холсте.

Вот в таком ключе и проходили беседы с Маляром. Зарядка для мозгов. Я похлопал художника по плечу и потопал к «Стекляшке». В заполненном зале нашел товарища в компании одноклассницы. Томясь в неловком молчании, они контрастировали с остальными посетителями, оживленно рассказывавшими друг другу, как прошел очередной рабочий день.

Настя оказалась миловидной темноволосой девушкой в узком свитере под горло. Уставившись в стакан с облепиховым чаем, она выглядела напряженной. Женя бросал на нее голодные взгляды и неуверенно елозил на стуле. Терял изящный стакан с латте, мучительно перебирая в умной голове, о чем же поговорить с одноклассницей.

Нескладный, с модной бородкой и в черной водолазке, он всегда был мягок и обходителен с девушками. Постоянно говорил о равенстве полов и правах меньшинств. Продвигал либеральные идеи, критиковал всех, не был ни за кого. Жил с мамой.

При моем появлении Женёк засиял. С его хилых плеч только что свалились Гималаи. Воодушевленно представив нас друг другу, главный городской блогер подозвал официантку. Я не стал ее мучить и заказал стакан апельсинового сока.

– Женя сказал, вы частный детектив, – заговорила Настя. – Что это значит?

– Частные детективы имеют право на проведение независимых расследований, – пояснил я. – Полицейские по найму.

– И вы сможете решить мою проблему?

Я пожал плечами:

– Расскажите, что у вас приключилось, а там видно будет.

Настя вздохнула, собираясь с мыслями. Я заметил, как Женя косится на ее, обтянутую свитером, грудь.

– Даже не знаю, с чего начать...

– С чего угодно. Я буду задавать наводящие вопросы.

Девушка сцепила кисти в замок.

– Вы же слышали о «Синем ките»?

– Конечно.

– У меня есть младшая сестра, Алёна. Ей тринадцать, и я опасаюсь, что она попала под влияние подобной организации.

– Есть основания так думать?

– За последние пару месяцев ее поведение сильно изменилось. Она стала странной. Начала задерживаться после занятий, ни с того ни с сего может куда-то уйти на ночь глядя.

Я вновь пожал плечами:

– Переходный возраст...

Девушка кивнула:

– Сначала я тоже так подумала. В смысле, у кого из нас не срывало крышу в тринадцать – четырнадцать лет... – Она метнула мимолетный взгляд в сторону Жеки. Я не понял его значения. – Но потом я проверила ее переписку в Ватсапе... – Настя достала смартфон, вывела на экран картинку. – И вот что нашла. Я сделала несколько фотографий, пока Алёна не видела. Листайте влево.

Анастасия протянула телефон.

На довольно нечетком изображении – снимок дисплея гаджета сестры – открытое окно переписки с абонентом по имени DarkEl. Сфотографированное сообщение содержало следующий текст: «Сегодня полнолуние. Сходи на кладбище. Запиши ощущения».

Я скользнул пальцем по экрану, перелистывая фото.

Сообщение на следующем снимке: «Ты рассказывала о боязни высоты. Пора подняться на крышу высотки и записать свои ощущения».

– Это все? – спросил я.

Она кивнула:

– Я успела сделать только два снимка. Что скажете?

– Выглядит так, будто школьные подружки решили пощекотать друг другу нервы.

– Я много читала о «Синем ките». Их люди рассылали подобные сообщения подросткам и доводили тех до самоубийства. Я боюсь за сестру.

Официантка принесла сок. Я поблагодарил ее, но к напитку не притронулся.

– Кто такая DarkEl?

Анастасия отпила чаю.

– Думаю, это Эльвира Бетреддинова – одноклассница Алёны. В последнее время они стали близкими подругами.

– Что вы о ней знаете?

– Из достаточно благополучной семьи. Отца вроде нет, но мама Эльвиры – директор частной школы. Одевается хорошо, ходит с дорогим телефоном... Она не выглядит трудным подростком.

– Но, кажется, вас все равно напрягает.

Настя задумчиво пожала плечом:

– Да есть в ней что-то... неестественное. Эльвира вообще очень странная девочка. Частенько заводит разговоры о высшем разуме, об изнанке Вселенной... В смысле, нормально девочке тринадцати лет рассуждать о таком?!

– Честно говоря, понятия не имею, о чем сейчас рассуждают подростки. Для меня это иная галактика.

– Об изнанке Вселенной – точно нет, – заверила Настя.

– Ничто же не мешает ей увлекаться эзотерикой. Я в четырнадцать лет тоже любил гороскопы полистать.

– Точно так же ничто не мешает ей предложить моей сестре препараты, расширяющие сознание, – резкоотреагировала на мои слова Пашутина. – Или наркотики посильнее.

Я посмотрел на Женю. Тот изо всех сил семафорил своими выразительными бровями, чтобы я не напирал.

– Вы пытались сдружиться с Эльвирой? Узнать ее поближе?

– Пыталась. Но... она очень хитрая! Умеет застегнуться на все пуговицы. Понимаете, что я имею в виду?

Внезапно Женя вспомнил, что тоже является участником беседы.

– Главное – задавать правильные вопросы! – как можно более позитивно заявил он. – Вот товарищ частный сыщик может так спросить, что бедняжка сразу всю подноготную выложит.

Глаза Насти оживились.

– Я буду очень благодарна, если вы пообщаетесь с Эльвирой! Вы же профессионал – наверняка определите, в чем ее странности.

Я ощутил себя мышью, которую силком запихивают в мышеловку. По правде говоря, история не представлялась мне в столь мрачных красках, как ее воспринимали Настя и явно неровно дышащий к ней Женя. Меньше всего на свете я хотел иметь дело с трудностями нежного подросткового возраста.

– Честно говоря... – начал отрешиваться я.

– Я заплачу вам!

– Дело вовсе не в деньгах. Послушайте... Эльвира же подросток. Я не могу просто так прийти в школу и начать опрашивать ее...

– Зачем в школе? Она сейчас у нас, пришла провести сестру!

– У вас... – эхом отозвался я, чувствуя, как мышеловка начинает захлопываться.

– Но это же просто супер! – воскликнул Женя. – Давайте отправимся к тебе и разберемся во всем на месте! Девушка!

Он окликнул официантку и попросил нас рассчитать.

Я оказался в неловком положении. В обычной ситуации я бы послал своего приятеля по батюшке, невзирая на все одолжения, что он мне сделал. Но, во-первых, Настя уже смотрела на меня с надеждой, а во-вторых, Женя не сомневался, что на этой волне сможет покорить неприступное сердце. Мой отказ равнозначен краху его чаяний, а уж такого он бы мне никогда не простил. И с бесплатной еженедельной рекламой на главном информационном портале города я мог распрощаться. Цена есть у всего. Придется ехать.

Я вышел из кафе, задержавшись под козырьком в ожидании, пока Женя поможет Насте надеть пальто. Начинало темнеть. Автомобили продирались сквозь плотную стену дождя. Сентябрь выдался щедрым на осадки.

Задрав голову, я увидел огромный силуэт дирижабля, дрейфующего над Серпейском, – инициатива органов местного самоуправления. Этот монстр неустанно кружил над городом, сея тревогу в сердца жителей.

Два поочередно сменяющих друг друга воздушных судна заступили на дежурство чуть больше года назад. Формально это было связано с желанием мэра Харибина повлиять на криминогенную обстановку в самом бандитском городе Южного Подмосковья. Фактически – со стремлением того же парня пополнить казну за счет сторонних проектов. После некоторых кулуарных перипетий задумка получила отклик в Москве, на сомнительный проект выделили средства. Под содержание весьма дорогого в обслуживании воздушного транспорта потекли солидные суммы денег.

Конечно, годовая статистика показала, будто эксперимент удался: количество разбойных нападений и мелких правонарушений на улицах значительно сократилось. Большой вопрос, благодаря ли летающим корытам, однако Харибин бил себя в грудь. Москва осталась довольна. А мрачные экипажи полиции вновь заступали на дежурство...

– Страшно, да?! – спросила Настя, становясь справа от меня и тоже глядя вверх. – Тревожно. По идее, эта штука должна пугать только преступников... Но я не чувствую себя защищенной, когда она рядом.

– Полицейское государство, – сквозь зубы процедил городской блогер, встав от меня слева. – Очередной способ контроля. Уж и не знают, какие еще гайки закрутить.

Я продолжал смотреть на проплывающее над нами брюхо воздушного кита. В целях маскировки дирижабль имел минимальное количество иллюминации. В ночное время он был почти невидим.

– Вы когда-нибудь видели его в действии? – спросила Пашутина. – Как он арестовывает кого-то.

– Я общался с очевидцами, – заявил Женя. – Страшное дело. Говорят, когда патруль замечает нарушителей с высоты, в тех ударяет луч света – и они уже не в силах пошевелиться. Представляете, какая аппаратура на борту?! Режим на все готов, чтобы держать нас в ежовых рукавицах.

– Вы на машине? – спросил я у Насти.

– На моей приехали, – ответил за нее Женя. – Едем на ней же. А то пока в твою малышку заберемся – утро настанет.

Женёк говорил о моем трехдверном вольвешнике. Он догадывался, что на заднее сиденье лезть придется ему, потому и поспешил перехватить инициативу. Я не возражал.

Мы погрузились в древний БМВ вишневого цвета, который сам Женя ласково именовал классикой. На периодический ремонт этого продукта автопрома 90-х он потратил уже столько, что вполне мог бы позволить себе бумер последних моделей. Но нет же, медийщику требовалось поддерживать образ «концептуального деятеля» – так Женёк величал сам себя. Я подозревал, что он немного неверно интерпретирует понятие «концептуальный», но за разъяснениями не лез.

Настя жила совсем недалеко от «Стекляшки», дорога до ее дома заняла меньше пяти минут. Мы зарулили в маленький двор, припарковались возле одной из сталинских трехэтажек. Когда поднялись и вошли в квартиру девушки и она зажгла свет в прихожей, я увидел, что и ожидал: высокие потолки, большие пространства. Люблю такую планировку.

– Эльвира еще здесь, – шепотом произнесла Настя, кивнув на обувь возле двери.

Мы разделись и прошли вглубь.

– Хорошая квартира, – сказал я, осматриваясь. – Много места.

– Лампово, – кивнул Женя.

– Обычно они закрываются в комнате, – опять же шепотом поведала девушка. – Даже не знаю, о чем шушукуются...

Мы остановились возле двери со стикером DANGER.

– Хотя сейчас вроде бы открыто...

Анастасия провернула ручку и открыла дверь. Мы прошли следом за ней и попали в типичную берлогу тинейджера: плакаты поп-звезд, наклейки по всему монитору, любительские фото на стенах, километры проводов от всяческих гаджетов и зарядных устройств и прочее-прочее-прочее.

В комнате находились две девочки, и понять, кто из них младшая сестра Насти, а кто – исчадие ада, не составило труда. Худая девчушка в шортах и футболке, с большими и доверчивыми, как у Анастасии, глазами – это Алёнка. Эльвира была одета в джинсы и фиолетовую толстовку. Черные волосы со стрижкой каре. В глазах – нетипичное для ребенка ее лет понимание, которое моя предполагаемая клиентка ошибочно приняла за наркоманскую муть.

Наше появление застало Алёну врасплох. Видимо, она просто позабыла закрыть дверь. У ее подруги наши физиономии не вызвали вообще никаких эмоций. Лишь одно я подметил: когда мы пересекли порог, Эльвира быстро пробежалась глазами по Женьку и Насте, а на мне ее взгляд остановился и сделался каким-то... роботизированным.

– Кока-колой балуемся? – Настя кивнула на бутылку газировки и наполовину наполненные стаканы у девчонок. – Надеюсь, без горячительных добавок?

Алёна театрально закатила глаза.

– Господи! Ну, ты опять сейчас начнешь, а? Это просто газировка! Без добавок. На, попробуй, если не веришь! – Она протянула свой стакан.

– Вы только посмотрите, кого привела наша мышка, – лениво проговорила Эльвира, поднимаясь с пола.

Ее голос оказался сильным и чистым.

– Не смей меня так называть! – шикнула Настя.

Эльвира не обратила на старшую Пашутину никакого внимания. Она приблизилась ко мне. Метр с кепкой, но взгляд мог бы пробить кирпичную стену.

– Привет, радар. Что видишь?

Она вопрошала дерзко, в лоб, но я не растерялся.

– Школьницу, которая явно позабыла про домашнее задание.

– Всего-то? Как скучно! Ты можешь больше. Или не можешь?!

А вот тут, пожалуй, пришло время сделать лирическое отступление и поведать о том, что доселе оставалось за скобками повествования...

* * *

Я ведь не от хорошей жизни сделал розыск пропавших своим жизненным кредо и отказался от таких опций частного сыска, как, например, бракоразводные дела и выбивание задолженностей по кредитам. Дело в том, что у меня есть дар... Я могу определить местоположение потерявшегося человека с точностью до квадратного метра. И не важно, жив бедолага или нет. Я найду даже бездыханное тело. То же самое с предметами, вне зависимости от размера. Для меня нет задачи проще, чем найти иголку в стоге сена.

Протекает сей процесс совсем не так, как показывают в кино про телепатов. Я не получаю из астрала размытые образы объекта розыска, не лицезрю длинные планы сцен его жизни. Но если положить передо мной географическую карту и дать пару минут сосредоточиться, то вскоре я почувствую, в каком именно районе находится объект. Соответственно, чем точнее карта местности, тем меньше погрешность пеленга.

Понятия не имею, как устроен мой дар. За пятнадцать лет с тех пор, как он впервые проявился, никто не удосужился растолковать мне принцип работы. В мою дверь не стучались

седовласые старцы, готовые объяснить премудрости использования Силы. Профессор Ксавье обделял вниманием славный город С.

Пришлось разбираться самому.

В первую очередь, я решил как-то обозначить уникальную способность и назвал ее биологическим локатором. Сокращенно – биолок. Подозреваю, он имеет гораздо более широкое поле применения, чем банальный поиск людей и предметов. Иногда удается предугадывать действия других личностей или развитие событий. При должном настрое я могу спросить себя, пойдет ли сегодня дождь, и получить точный ответ. Но это всегда происходит до противного случайно и помимо моей воли. Контроль я имею лишь над поисковой функцией. Остальными опциями приходится довольствоваться в демоверсии.

Однако и «прожиточного минимума» хватает с лихвой. Биолок сделал меня эффективным розыскником. Стопроцентная гарантия качества, так сказать. В конце концов, искать и находить – единственное, что я умею по-настоящему хорошо...

Что до Жени, то он в курсе моих дел. Мы давно дружим, а однажды его сестра потерялась в тайге. Два дня она водила по болотам поисковиков МЧС и добровольцев. Я же определил ее местоположение и направление движения через десять минут после того, как узнал о случившемся из новостей. И через час ее уже принял на борт спасательный вертолет.

С тех пор Женёк считает, что находится передо мной в неоплатном долгу. Я с ним не соглашаюсь. В конце концов, когда с десятков лет зарабатываешь поисками, каждый последующий случай становится рутиной, «еще одним днем в офисе». Глаз замыливается.

Разумеется, обладая экстрасенсорными способностями, я всегда допускал, что в мире должны существовать и другие реальные телепаты. Иногда я допоздна роюсь в Интернете, выискивая заметки о подобных феноменах. В наш век соцсетей и информационных технологий найти упоминания о чудесных проявлениях человеческого разума стало проще, чем лет пятнадцать назад. Допускаю, что в связи с этим обстоятельством у обывателей может возникнуть ощущение, что именно сейчас появляется все больше и больше людей, подобных мне.

А теперь возвращаемся в комнату, где на меня в упор смотрит черноволосая пигалица и непрозрачно намекает, что в курсе биолока. Я не остолебенел от удивления и отнюдь не лишился дара речи, но почувствовал, как во мне зарождается то, чего я не испытывал еще полчаса назад – интерес к делу Насти...

Эльвира, дерзко ухмыльнувшись, повернулась к Алёне:

– Мне пора. Встретимся в школе.

Она вышла из комнаты, не обращая никакого внимания на занудных взрослых.

– Я берусь за ваше дело, – быстро сказал я Анастасии.

– Беретесь?... – встрепелась она.

– Да. Запишите мой номер.

В прихожей зашуршала одежда. Настя замешкалась, отыскивая смартфон. Я продиктовал цифры, которые она поспешила вбить в аппарат.

– Киньте дозвон. Завтра перезвоню и уточню кое-какие детали.

Хлопнула дверь в квартиру. Эльвира ушла.

– Погнали, – толкнул я Женьку в плечо и поспешил в прихожую.

– Вы... Вы уже уходите? – последовала за нами Настя.

– Видимо, да, – развел руками Женя.

– Я, наверное, должна вам заплатить...

– Денег не надо, – заверил я. – Главное, будьте на связи.

Я ободряюще подмигнул девушке и выскочил из квартиры. Женя последовал за мной, на ходу надевая куртку. Мы, словно два мяча, проскакали вниз по лестнице, выбежали под высокий свод крыльца.

– Куда так летим? – поинтересовался Женя.

– Стой на месте!

Я удержал друга, чтобы тот не выскочил из укрытия, а сам выискивал глазами Эльвиру в темноте двора. По-прежнему шел дождь. Я разглядел силуэт подростка, направляющегося к парковке, и уж было шагнул следом, как вдруг она остановилась возле ряда машин. Заработал двигатель, зажглись фары дорогого «мерседеса». Эльвира нырнула на сиденье рядом с водителем.

– Ты ведь хотел поучаствовать в детективной работе, – напомнил я блогеру. – Дай-ка мне ключи от тачки.

– Зачем?

– Намечается слежка.

– Ты хочешь повести мою машину?

– Так точно.

– Она на механике, друже.

Я тихонько выругался. Сам-то езжу на автомате. Последний раз садился за «ручку» лет десять назад, да и то загнал бедный уазик в кювет.

– Значит, тебя ждет мастер-класс по наружному наблюдению.

«Мерседес» тронулся, выкатывая к выезду со двора.

– Бегом! – скомандовал я.

Мы спешно покинули темный подъезд. Женя суетливо и несколько нервно открыл допотопный БМВ, мы погрузились в салон.

– Мотор не заводи! – сказал я.

Женя держал руку на ключе зажигания. Я следил по зеркалам, как черный седан проплывает позади нас. Когда его передняя часть скрылась из виду, я дал отмашку. Женёк быстро запустил двигатель, сдал назад, развернулся и выехал со двора вслед за мерином, вливаясь в поток машин.

Теперь от объекта слежки нас отделял один автомобиль – идеальный расклад. Упустить трудно, глаза не мозолишь. Я дал Жене несколько советов относительно того, как вести себя в потоке, чтобы не «грохнуть» объект. Хотя при полупустых дорогах в начале девятого вечера такое казалось маловероятным.

Мы ехали в Старый Серпейск – район, который от центральной части города отделяло шоссе. Царство малоэтажных строений прошлого века и кладёзь культурного достояния моей маленькой родины. В роли водителя экипажа наружного наблюдения Женя держался уверенно, пусть и немного напряженно.

– Заметил, как девчонка засуетилась, когда мы пришли?! – спросил он.

– Заметил.

– Это ты на нее так подействовал?

– Не знаю.

– Она назвала тебя радаром. Думаешь, у нее тоже способности?

– Просто ляпнула первое, что в голову взбрело.

– Или она тоже телепат.

– Не думаю.

– Да ладно тебе, друже! Ты слышал ее. Она разглядела биолок!

Я промолчал.

Мы свернули на одностороннюю дорогу, удаляясь от суеты центральных улиц. Подъем в горку, спуск вниз, снова подъем – тут всегда кажется, будто колесишь по Сан-Франциско. Покосившийся деревянный забор, темный переулок, недостроенное современное здание.

Между нами и «мерседесом» больше не было других машин, и Женя забеспокоился, что водитель заметит слежку. Я посоветовал товарищу чуть отпустить объект, увеличив дистан-

цию. Потерять мерин на пустых вечерних улочках с минимальным движением было практически нереально. Тем более что, как оказалось, мы добрались до места назначения.

После очередного перекрестка мерс сбавил скорость и свернул налево, въезжая в ворота частного дома.

– Притормози чуток, – сказал я. – Медленно проезжай мимо, но не задерживайся.

Женя последовал указаниям. Створки ворот начали смыкаться, когда мы поравнялись с ними, но разглядеть водителя «мерседеса» все же удалось. Под затихающий дождь вылез настоящий бугай, одетый в черную кожанку и джинсы. Роста в нем было не меньше двух метров, а размаху плеч позавидовал бы Шварценеггер на пике формы. Лицо не разглядеть, посему я переключил внимание на дом, рядом с которым припарковался седан.

Трехэтажный особняк с эклектичной архитектурой. Высокая крыша соседствовала с открытой верандой на уровне второго этажа. Свет в окнах отсутствовал, тем не менее я успел прочесть вывеску на фасаде здания: «Частная школа „Гретьель“». Уже что-то. Есть с чего начать.

Мы проехали дальше по слабоосвещенной улице и остановились неподалеку от городского парка.

– Что теперь? – спросил Женя. – Останемся здесь и будем следить?

– Пока рано. Ты запомнил вывеску на здании?

– Как-то не рассмотрел. А что там?

– Частная школа «Гретьель».

– Впервые слышу.

– Я тоже. Сможешь собрать по ней инфу?

Мне показалось, Женёк даже просветлел.

– Зовешь меня в напарники?!

– Прошу раздобыть информацию – ты же главный новостник города.

– А звучит так, словно зовешь в напарники. Заметано, друже! Я соберу разведданные.

Еще что-нибудь?

– В какой школе учится сестра Насти?

– Э-э-э... В первой, кажется.

– Знаком с директором?

– А то! Весной я подробно освещал открытие их бассейна.

– Прекрасно. Можешь позвонить ему и договориться о встрече? Хочу побеседовать насчет Эльвиры.

– Да без проблем. Владислав Петрович не откажет. Возможно, удастся и классную руководительницу Эльвиры допросить.

– Провести беседу.

– Что?

– Мы не имеем права никого допрашивать – только проводить беседы.

– Велика разница?

– Да так, в паре бумажек...

– Только одна просьба, друже: беседовать с ними буду я.

Я покосился на товарища.

– Посуди сам! Ты придешь со своей занудной протокольной рожей, они перепугаются, подумают, что у их ученицы проблемы, и замкнутся. Я же все сделаю по уму. Скажу, что подписываю способных учеников для статьи о перспективной молодежи города. При таком раскладе они выложат всю подноготную о Бетреддиновой.

Я поразмыслил над услышанным и пришел к выводу, что Жека прав. В конце концов, знакомый блогер, с которым директор уже имел дело, вызовет меньше подозрений, чем частный детектив.

– Добро, давай так. Но и про инфу о «Гретель» не забудь.

– Считай, уже сделано! Куда теперь? Обрати к Настьке?

– Зачем?

– Мы ее некрасиво оставили. Сорвались как чумовые куда-то... Девушка наверняка переживает!

Я хмыкнул.

– Утешать собрался?

– Вот только не надо грязных намеков, – поморщился Женя. – Я в самом деле за нее тревожусь. А тебе разве не нужно задать еще вопросы?

– На сегодня вопросов хватит. Отвези меня к «Стекляшке». Надо забрать машину.

Когда десять минут спустя мы вернулись к кафе, дождь прекратился. Тучи набирались сил перед очередным ночным ливнем. Я вылез из бумера.

– На какое время назначить встречу с директором? – спросил напоследок Женя.

– Часов на одиннадцать. Ко мне приезжай к десяти. Попьем кофе – и в путь.

– Заметано! – живо подмигнул Женёк. – Чувствую, денек завтра будет интересный.

– К Насте поедешь?

– Да нет, наверное... Ты всю охоту отбил.

– Я отбил?

– Ну да. Начал нудеть, и я себя сразу каким-то прохвостом почувствовал...

Я усмехнулся, покачал головой:

– Жень, даже слепоглухонемой не станет воспринимать тебя как прохвоста!

– Попозже ей позвоню. Пожелаю спокойной ночи.

Мы распрощались, и он укатил. Я стоял в свете неоновой вывески, глядя на удаляющийся раритетный БМВ. Я не разделял энтузиазма товарища насчет завтрашнего дня. Гонорар с последнего дела мелкими монетами позвякивал в моих карманах, а работать за спасибо совсем не улыбалось. Но поскольку Пашутина была объектом воздыхания одного из немногих моих приятелей, то брать с нее плату у меня рука не поднимется.

Я чувствовал себя уставшим. Хотелось спать, а нужно еще заскочить в магазин и доползти до кровати.

Полчаса спустя на другом конце города, оставив машину на парковке, я пересекал свой двор с пакетом еды в руках. Пока не начался очередной шквал осадков, из прокуренных квартир выползли местные люмпены. Используя лавочку возле баскетбольной площадки в качестве барной стойки, они расставили пивные бутылки. Кое-кто не брезговал и уселся на влажном дереве.

Размахивая сигаретами, небольшая компажка алконавтов громко материлась. Насколько я понял из обрывков фраз, дискуссия велась на тему «Как государственный режим честной народ притесняет». Посасывая пиво, ребята жаловались, что водка дорожает, гайки закручивают все сильнее, а жить становится страшнее.

Я почти поравнялся с шайкой хриплоголосых ораторов, как вдруг на них обрушился сноп света. Луч мощнейшего прожектора выцелил горемык из полумрака, на уровне психологии парализуя волю. Я и сам сперва замедлил шаг, а потом и вовсе остановился, подспудно опасаясь совершить лишнее телодвижение.

Осторожно подняв голову, я всматривался в источник света.

Дирижабль правительства завис прямо над двором. С выключенной внешней иллюминацией он оказался абсолютно невидим на фоне ночного неба. Однако самому оку воздушного стража были заметны любые телодвижения обитателей, в принципе, благополучного района Серпейска.

Я не знал, какой еще техникой были оснащены дирижабли правительства. Никогда не видел, как выглядит форма экипажа. Да и с уверенностью сказать, что воздушное судно управляется людьми, тоже не мог. Оснащение и комплектация патрульных дирижаблей являлись секретной информацией. Посему, наблюдая за скрючившимися в круге света алкашами, я не знал, что случится дальше.

А случилось следующее.

Парни, не сговариваясь, побросали окурки в мокрую траву и подняли руки, демонстрируя пустые ладони.

– Командир, мы ничего не нарушаем! – хрипло прокричал самый говорливый из них. Он щурился, пряча глаза за рукавом куртки. – Курим возле урны, в отведенном месте!

Экипаж дирижабля, если он находился, никак не отреагировал на уверения мужичка. Ни строгого голоса, искаженного динамиком громкоговорителя, ни разряда тока под лопатку. Ничего.

Никто вообще не знал, как действуют дирижабли правительства. По городским порталам бродили лишь непроверенные слухи о чрезмерной жестокости воздушного патруля по отношению к правонарушителям, и потому их образ пугал еще сильнее.

Один из дружков сиплого прошептал что-то ему на ухо. Словно вспомнив о важном, мужик схватил со скамейки бутылку пива.

– А алкоголь у нас в пакетах! Все как положено! Тебе оттуда видно, командир?! – Каждая бутылка была упакована в пакет из коричневой бумаги. – Мы ничего не нарушаем! Ведь так, командир?! Мы же не нарушаем ничего?!

Второй дружан хриплого тем временем нашептал ему свои мысли на другое ухо.

– Так мы эт самое... Мы ж не шумели! Деткам спать не мешали! Да и расходимся уже!.. Мы расходимся, командир!

Хриплый живо похватал бутылки и выбросил их все в урну.

– Видишь? И после нас тоже порядок! Так мы пошли?!

Дежурный наряд хранил молчание. Я обратил внимание, что стараюсь дышать потише. Казалось, весь двор затаился, боясь попасть под луч прожектора правосудия.

– Мы можем идти, командир?!

Ответа все не было. Пауза затягивалась. Люмпены нервничали, вжимая голову в плечи. Я приготовился к худшему.

Яркий свет погас столь же внезапно, как и вспыхнул. Двор снова погрузился в благодный полумрак. На корпусе дирижабля загорелись редкие опознавательные огоньки, в абсолютной тишине зашуршали лопасти винта. Аппарат начал набирать высоту. Алконавты выдохнули. В молчании, понуриив голову, они разошлись – каждый к своему подъезду.

Я стоял один посреди огромного двора. Пакет в руке казался невыносимо тяжелым. Но на душе становилось все легче и легче – я был безумно рад, что не попал под прожектор дирижабля правительства.

Войдя в свою берлогу, я включил свет в прихожей, разулся и прошел на кухню. Аккуратно выглянул в окно. Воздушного судна не видать. Наверняка оно двигалось дальше по маршруту патрулирования. Тем не менее его угнетающее присутствие ощущалось до сих пор.

Я жил в двухкомнатной квартире на окраине города. Публика в наши новостройки заселилась преимущественно цивилизованная, с достатком. Ребята со скамейки у баскетбольной площадки были, можно сказать, исключением. Если хотите затеряться и жить так, чтобы вас не допекали, – селитесь в благопристойные районы. Приличные люди не полезут вам в душу элементарно из опаски обнаружить нечто такое, что пошатнет их стабильный мир. Они не проявят благодушия сверх необходимой меры. Нуждаетесь в одиночестве – живите с цивилизованными людьми.

Я квартировал один, и был вполне доволен таким положением. Семья, домашние хлопоты... Для экстрасенса, зарабатывающего на хлеб своим даром, это непозволительная роскошь. Ничто так не вредит ментальному настрою, необходимому для удачной практики, как бытовуха. Мы часто слышим о том, как тот или иной телепат угадал лишь двадцать карт из сорока. Или не совсем точно определил причину смерти по фотографии. Некорректно предсказал судьбу и так далее. Но вы задумайтесь, насколько это тонкая работа и как сильно она зависит от внутренних переживаний и сиюминутного психологического состояния практика. Попробуй отыщи любимые бабушкины часы, когда голова забита списком из тысячи домашних дел, а жена требует починить на кухне кран!

Одиночество, добровольная изоляция от социума – наш защитный рефлекс. У многих психика ломается под грузом тех знаний, которые мы получаем от... А откуда мы их получаем, собственно?! Этого я не знал. Да и не особо пытался выяснить, если честно. Я делал свое дело – разыскивал пропавших. И пока что успешно справлялся.

Я прошел в большую комнату, зажег свет, включил телевизор. Очередные войны, саммиты, реклама слабительного... Все как обычно. Из зала переместился в помещение, которое у нормальных людей обычно бывает спальней. Я же приспособил его под совсем иные нужды.

Щелкнул выключателем, загорелся приглушенный синий свет. Кварцевая лампа. Идеальный вспомогательный инструмент для погружения в медитативное состояние. Единственное окно было завешено плотной черной тканью. В центре пола – коврик для медитации, в дальнем углу – стеллаж, заваленный огромным количеством свитков карт. Вдоль левой стены рядом стояли семь портретов в однотипных рамках. Все они были написаны Маляром, и на каждом изображен я. Выше висели вымпелы военной разведки и других силовых структур – отечественных и не очень.

Я опустился на коврик и принялся рассматривать картины. Все-таки Маляр был уникальным художником – ни один из портретов не походил на остальные. Мое изображение он окружал неизвестными мне символами, метафоричными узорами.

Одно время я занимался исследованиями различных религиозных и философских концепций и сделал любопытный вывод. Большинство из них, как мне казалось, декларировали одну и ту же доктрину: ответы на все вопросы уже находятся внутри нас. Поэтому я частенько рассматривал свое лицо, запечатленное на портретах Маляра. Быть может, в его чертах что-то зашифровано – некий ключ к пониманию моего дара и предназначения?

Ряд из семи портретов дотянулся до середины стены. Еще для пяти-шести местечко найдется...

Глава 2. Опасность – моя профессия

Как и договорились накануне, Женя прибыл ко мне ровно в десять утра. Я накинул куртку, и мы отправились на дело, по дороге заскочив в кофейню. Попутно блогер поделился сведениями о частной школе «Гретель», какие ему удалось найти в открытом доступе.

Итак, если верить официальному сайту, концепция школы подразумевала синтез собственной учебной программы с базовым средним образованием.

Женя сказал, что ему не удалось отыскать ни методики обучения, ни списков педагогического состава «Гретель», но вот чего хватало в избытке, так это хвалебных отзывов. Молодые мамочки в возрастной категории «чуть за тридцать», помешанные на философии уникальности и всячески критикующие традиционную систему образования, визжали от восторга буквально в каждом комментарии. Они свято верили, что обычные школы – конвейерные цеха, на корню убивающие индивидуальность их деток. И лишь частные учебные заведения, такие как «Гретель», способны взрастить детишек Моцартами и Менделеевыми.

В качестве примера Женя процитировал пару реплик, начинающихся с «Ой, девочки...», и я сразу же попросил его переключиться на информацию об основателях школы.

На официальной странице таковых было указано трое.

Директором числилась Бетреддинова Саяра Ринатовна. С фотографии на меня смотрело худое, смуглое и злое лицо сорокалетней женщины. Зеленые глаза добра не сулили. Официальная биография гласила, что долгое время Саяра Ринатовна проработала сотрудницей Серпейского историко-художественного музея, откуда уволилась около двух лет назад. Судя по данным из соцсетей, в браке не состоит, воспитывает дочь Эльвиру.

Соучредителями «Гретель» значились двое братьев – Борис и Макс Шеллины. Причем младшего звали именно Максом, а не Максимом. На сайте указывалось, что до основания школы они были «искателями сокровищ» – прямо так и было написано, но я предположил, что их следовало бы называть черными копателями.

В кофейне Женя дал мне свой айпад, и я пробежался по подборке их фотографий из соцсетей. Внешность Шеллины имели, прямо скажем, специфическую.

Первое, что бросалось в глаза при взгляде на Бориса, – огромная нижняя челюсть. К тому же он обладал внушительной комплекцией боксера-супертяжеловеса. Я почти не сомневался, что вчера Эльвиру на «мерседесе» подвозил именно Борис. На каждом снимке кожа его грубого лица была настолько бледной, словно он слил литр-другой кровушки. Чудовище Франкенштейна, не иначе.

Второй из братьев внешность имел совершенно противоположную. Вытянутый, жилистый, узкоплечий, с треугольным лицом, заостренным носом и напряженными глазами-бусинками. Лично у меня возникла лишь одна ассоциация: «шнырь». Злюка, угрюмый костолом и шнырь. Компания, открывшая учебное заведение для подростков, доверия не вызывала...

Владислав Петрович Блохин, директор Серпейской СОШ № 1, оказался высоким, полноватым мужчиной средних лет, с густой серебристой шевелюрой. Он носил костюм-тройку с красным галстуком, а его широкое лицо светилось дружелюбием.

Поздоровавшись, мы с Женей опустили в кресла. Блохин остался стоять, без удовольствия цедя из прозрачного шейкера какую-то зеленую муть.

– Господи, ну и отрава! – морщась, заключил он. – Жена подсела на правильное питание, ну и меня за собой потянула. Следит за моим весом и давлением. Да я быстрее от ее снадобий к праотцам отправлюсь!

Он сел за стол, шейкер убрал куда-то под ноги, приветливо улыбнулся.

– Итак, молодежь, чем могу?

- Перспективные ученики, – напомнил Женя.
- Ах да! Ты ж вчера просил... Юные дарования для твоей статьи, верно?
- Да. Только нас интересует вполне конкретная ученица.
- Имя, фамилия?
- Эльвира Бетреддинова.
- А-а-а... Саяркина дочь, что ли?
- Мы с Женей переглянулись.
- Она на слуху? – спросил блогер.
- Саяра-то? Еще на каком! Знатная выскочка. По-моему, в городской администрации от нее уже вешаются. Вы же в курсе, что у Бетреддиновой своя школа профильного образования?
- Слыхали.
- Название еще странное...
- «Гретель».
- Да, «Гретель». Так вот Саяра со своей богадельней носится, как заведенная. Всюду продвигает вывеску, пытается участвовать в региональных инициативах в одном ряду с муниципалами. Хотя специфика у нее совсем иная! Так что куда лезет – я не понимаю. Только, Жень, это не для печати!
- Разумеется.
- Директор снял трубку одного из телефонов.
- Зиновья, подскажи, Алла Михайловна в учительской? Попроси ее ко мне подняться... Да, сейчас.
- Не в восторге от «Гретель»? – спросил я.
- А чем там восторгаться? Тем, что она, по сути, продает воздух?! Или «идет в ногу со временем»? Дескать, современное образование зашло в тупик, изжило себя; необходимы инновационные подходы к методике преподавания, иначе наши детишки станут неконкурентоспособными на мировой арене. Подобные высказывания звучат на каждом шагу, а Саяра подхватила тренд. Ладно еще ее шарашка хотя бы факультативного профиля – дети ходят туда после основных занятий в нормальных школах. Но ведь появляются и те, что предлагают себя вместо общеобразовательных учреждений! Индивидуальный подход к ребенку и прочая бредятина! И многие ведутся! – Он указал на нас пальцем. – Ваше поколение ведется, молодежь! Видимо, Женя решил не развивать эту тему, потому что спросил о другом:
- Какие именно образовательные услуги предлагает Саяра своим ученикам, вы не знаете? Но Блохина уже понесло, и сходить с выбранного им самим курса он не собирался.
- Да что она может предложить вообще?! Ты знаешь, Женя, кем она работала до того, как влезть во все это?! В краеведческом нашем музее! Пыль с картин сдувала! А теперь она, видите ли, директор частной школы! Без навыков, без профильного образования!
- Он вдруг закашлялся. Хрипотца выдала в нем курильщика со стажем. Блохин ловко поднырнул под стол, вытащил прозрачный шейкер, хряпнул зеленой бурды. Все отвращение Вселенной отразилось на его покрасневшем лице.
- Загудел селектор.
- Что?.. – квакнул Блохин.
- К вам Алла Михайловна, – ответил динамик.
- Пусть заходит.
- Директор снова заныкал шейкер под стол, а в кабинет зашла миниатюрная женщина в строгом коричневом платье.
- Знакомьтесь, молодежь. Алла Михайловна, классный руководитель Эльвиры Бетреддиновой. Алла Михайловна, эти двое славных ребят – городские журналисты, пишущие добротную статью о наших учениках. В особенности их интересует ваша подопечная.

Глаза педагога дернулись из стороны в сторону. Ее явно не обрадовала перспектива общаться с нами.

– Вас интересует Эльвира?

Я решил не жевать сопли и сразу пошел в бой:

– Как бы вы ее охарактеризовали?

– Говори без обиняков, Алл, – прогремел Блохин. – Это наши люди.

Особого впечатления слова директора на педагога не произвели.

– Эльвира – самая способная ученица в классе, – спокойно сказала женщина. – Она – прирожденный лидер. К ней тянутся и мальчики, и девочки.

– Поведение не хромает? – спросил я.

– Вас интересует, не бьет ли она окна в школе и не хамит ли учителям?

– Вроде того.

– Эльвира – дисциплинированный ребенок. Частенько она сама урезонивает раздухарившихся шалопаев.

– На переменах чаще ходит одна или с кем-то из друзей?

– Всегда в компании. Она постоянно окружена людьми, причем не только сверстниками, но и ребятами на год, на два постарше.

– А у вас не возникало впечатления, что Эльвира сколачивает некий клуб по интересам?

– Клуб по интересам?

– Скажем, подобие коллектива, в котором она не только была бы лидером, но и раздавала бы различные поручения вне стен школы.

Женщина усмехнулась.

– Я не совсем поняла, что вы хотите услышать. Знаю только, что многие ее друзья записались на факультативные занятия в частную школу ее матери. Только в моем классе трое учеников посещают «Гретьель».

– Возможно ли, что Эльвира побудила их к этому?

– Кто же еще, как не она, но что в этом плохого? Детишки не спуют по подворотням, не водятся с сомнительными личностями, не просиживают за компьютером. Они получают дополнительные знания и умения в свое личное время. Подобное можно только поощрять.

– Да, но получается, она действует в интересах бизнеса своей матери.

Алла Михайловна скупно улыбнулась.

– Вы точно журналист?

– Молодежь, вас повело куда-то не туда, – вмешался Блохин. – Я думал, мы поговорим об успехах наших учеников, а вы как будто бы пытаетесь вскрыть террористическую ячейку.

– Мой коллега раньше работал в криминальной хронике, – пошутил Женёк. – Профдеформация.

– Оно и видно, – мрачно согласился Владислав Петрович.

– Алла Михайловна, понимаете, – обратился к учительнице блогер, – в нашей статье мы собираемся показать учеников под нетривиальным углом. В срезе их лидерских качеств, так сказать. Попытаться проанализировать, насколько перспективным в подобном плане окажется подрастающее поколение...

Женёк врубил режим сладкоголосого дьявола. Он обладал завидным красноречием, и я с легкостью отдал инициативу в его руки. Углубившись в размышления, я вяло прислушивался к ничему не значащим вопросам Жени и формальным ответам Аллы Михайловны. В принципе, ему удалось создать впечатление, что мы и впрямь готовим статью на обозначенную тему, и успокоить назревавшие подозрения относительно нашего визита.

Отняв у Блохина и Аллы Михайловны еще минут пять-шесть, мы раскланялись, поблагодарив за содействие, вышли на улицу, под хмурое небо, и двинулись к припаркованной возле забора машине.

- Итак, что мы узнали? – вслух размышлял Женя.
- Что мы молодежь.
- Тебя это тоже покорило?
- Захотелось выкинуть его шейкер в окно.
- Как думаешь, что за бодягу он пил?
- Сопли жены. Пастеризованные.
- Женя поморщился.
- Твои армейские шутки...
- Еще он на дух не переносит Саяру Бетреддинову, а классная руководительница просто в восторге от ее дочери.
- Заметь, она особенно отметила, что Эльвира имеет влияние на свое окружение. Может, это ее способность?
- Если только Алла Михайловна не приврала и не приукрасила.
- Друже, я о других способностях. – Женёк воровато поозирался по сторонам, пояснил полупшепотом: – О суперспособностях. Что, если она завладевает разумом людей, подчиняет их своей воле? Как тот лысый из «Иксменов».
- Я лишь усмехнулся.
- А чего ты фыркаешь, человек-радар? Думаешь, один такой уникальный?
- Я думаю, дочь Бетреддиновой просто прирожденный лидер. А по совместительству – скаут.
- Скаут?
- Действует она похоже.
- погоди. Что значит «скаут»?
- Ты не смотрел ни одной спортивной драмы про американский футбол, что ль?
- Не люблю спортивные драмы.
- Мы погрузились в мой вольвешник, хлопнули дверцами.
- В каждом третьем фильме или сериале показывают типчиков, которые шастают по школьным спортивным командам. Они отбирают перспективных игроков для разных клубов. Таких зазывал и кличут скаутами.
- Эльвира рекрутирует молодую кровь для школы своей матери?
- Куда-то она их точно набирает, – задумчиво проговорил я, глядя за окно.
- К воротам подкатил минивэн – фиолетовый «фольксваген» с тонированными стеклами. Водитель выбрался из кабины, принялся топтаться возле машины. Это был огромный детина в джинсах и черной безразмерной кожанке.
- Глянь, – кивнул я. – Узнаешь гражданина?
- Женя подался вперед, подслеповато щурясь.
- Борис, что ли?
- Похож.
- Женька схватил с заднего сиденья айпад, активировал экран.
- Ну да, он, – подтвердил мой товарищ, сверившись с фотографией на сайте школы «Гретьель». – Он Эльвиру повсюду катает, что ли?
- Давай посмотрим, – сказал я. – Ты же не торопишься?
- Меня на открытие нового ресторана звали. Но могу и попозже приехать.
- Отлично.
- Я откинулся на спинку сиденья.
- Думаешь, долго ждать придется? – спросил Женя.
- Понятия не имею.
- Ну, обычно как?
- Не знаю, обычно я ни за кем не слежу.

– Как это? Я думал, слежка – обязательный атрибут частного сыска!

Я цыкнул, чувствуя, как подкатывает раздражение.

– Да сколько повторять: я не занимаюсь этой бодягой. Моя специализация – розыск. Пеленганул по карте – приехал на место – сгреб беглеца в охалку и повез нанимателю. Всё! Просто и прибыльно.

– Ладно-ладно, друже, не заводись! Уж я-то в курсе, как ты на хлеб зарабатываешь. Просто, думал, ты и в «наружке» спец...

– По «Гретель» еще какую-нибудь информацию нашел?

– Я же тебе...

– Кроме той, что из официальных источников.

– Позвонил знакомому налоговому. Он обещал проверить, но нужно время.

– Вот это уже дело.

– Думаешь, что-нибудь всплывет?

– Что-нибудь всегда всплывает.

– Профессиональная мудрость?

– Цитата из паблика Стэтхема.

– Уважаю...

Мы помолчали, наблюдая за бугаем через две машины от нас. Борис шатался вокруг минивэна, кого-то ожидая. Из дверей школы ломанулись дети.

– Ты звонил ей вчера? – спросил я.

– Кому?

– Насте.

– А... Нет.

Женёк сложил руки на груди, сжавшись в комок.

– Чего ждешь? Прилета марсиан?

– Ты вчера всю охоту отбил. Затушил робкое пламя надежды. Я решил не звонить понапрасну.

– Она с кем-то встречается?

– Вроде нет.

– Тогда не тупи.

– Я не туплю. Настроения не было.

Я покосился на товарища. Он смотрел прямо перед собой.

– Что было между вами в школьные годы?

Женя лишь презрительно фыркнул, покачав головой.

Шеллин привалился плечом к кузову фолькса, закурил.

Я сказал:

– Мне все равно надо кое о чем порасспрашивать Настьку. Хочешь, поехали со мной? Я задам вопросы и отвалою, а ты уже сможешь развить тему.

Женя таки соизволил повернуться ко мне.

– Чего это ты такой добренький вдруг?

– Просто уже и не помню, когда в последний раз ты был с девушкой.

– А ты?

– Я – другое дело.

– Неужели?! Неприкаянный воин-самурай? Одинокий волк?

– Когда у тебя в голове перманентный нейрошум из десятков сигналов, большую часть которых ты не знаешь как интерпретировать, хочется забиться в дальний угол. Подальше от людей. Амурные дела превращаются в балласт.

– Поплачь еще...

– А ты не язви. Я, между прочим, помочь тебе хочу. Ты самый умный парень из всех, кого я знаю. Почему тогда вечно теряешься, когда приходит время штурмовать крепости?!

Женёк подобрался.

– Вон Эльвира! Похоже, дождались.

Я понял, что разговор исчерпан, и переключился в рабочий режим.

Суэта у ворот школы начинала нарастать. Один за другим подъезжали автомобили родителей учеников. Эльвира с рюкзаком на плече стояла у выхода и, активно жестикулируя, созывала школоту. Вокруг нее быстро собралась стайка ровесников. Детей постарше я не увидел. Всего набежало человек десять.

Орава погрузилась в салон, фолькс тронулся вдоль улицы. Я вырулил из ряда и покатил следом.

Колесили мы недолго. Минивэн свернул на площадь Ленина, которая во времена детства моих родителей считалась центром города, а ныне – его историческим придатком. Фолькс остановился возле двухэтажного здания, построенного посреди участка с круговым движением.

Мы описали дугу, съезжая к скверу, припарковались так, чтобы располагаться параллельно фургону, и стали наблюдать в окно с моей стороны.

Малышня высыпала из салона. Вновь собрав мальчишек и девчонок вокруг себя, Эльвира завела мелюзгу в здание.

– Куда они? – спросил Женя, разглядывая вывески с названиями заведений над входом. – В кальянную, что ль?

– В антикафе. Достань бинокль из бардачка.

Женя вытащил мощный армейский бинокль, протянул мне. Я попытался рассмотреть водителя вэна. Борис выпрыгнул из кабины, снова закурил, прошелся вокруг «фольксвагена», проверяя колеса.

– Вылез, да? – спросил Женя.

– Ага.

– Наверное, он штатный водитель «Гретель». Развозит детишек, мотается туда-сюда. Дай посмотрю.

Я отдал бинокль другу.

– Вот это детина! – проговорил Женёк. – Даже крупнее, чем на фотках. А чего он бледный-то такой?

– Пойди спроси.

– Сожрет еще...

– Ты когда планируешь пробивать их всерьез?

– Завтра начну. А что?

– Вот этого кренделя надо бы проверить особенно, – сказал я. – Не удивлюсь, если у него отсидка за плечами.

Женя убрал бинокль от лица, скептически посмотрел на меня.

– Он же с детьми работает.

– И что?

– Значит, не может быть уголовником.

– Почему?

– Потому что работает с детьми!

Я фыркнул.

– И что ему мешает работать с детьми, будучи уголовником?

– Закон! Его бы никогда не взяли на такую работу с судимостью.

– Он мог не сообщать о проблемах с законом при трудоустройстве.

– Работодатель сам обязан проверять такие моменты.

– Как?

– Не знаю... Должна же быть какая-нибудь база данных. Можно сделать запрос в МВД. По правде говоря, я сомневался, что Борис – «сиделец». Но поддеть живущего в мире единорогов Женю – всегда за счастье.

– Вот и проверь это! – сказал я. – Глядишь, всплывет что-то нелицеприятное. А там и темные делишки Саяры Бетреддиновой вскроются.

Женя поморщился.

– Гнусный ты человек. Вечно в людях недостатки выискиваешь...

– Я частный детектив, забыл? Грязное белье – наш хлеб.

– Ты специализируешься на розыске пропавших!

– Об этом надо было думать, когда на встречу с Настей меня тащил.

– Ты мог бы отказаться...

– Уже не могу.

– Почему?

Я улыбнулся.

– А мне любопытно стало.

– Во сколько нам это обойдется? – спросил он, помолчав.

– Вам?

– Нам с Настей. – Замявшись, Женя добавил: – У нее сейчас с деньгами туго. Я обещал помочь. Так что счет за услуги можешь выставять мне.

Я хмыкнул.

– Щедрый какой. На все готов, когда под юбку залезть неverteпeж?

– Вечно ты извратишь...

– Насчет денег не парься – это дело я отработаю за интерес.

Женя нахмурился.

– Думаешь, что-то серьезное?

– «Кто знает... Тень – знает!»

– Чего?

– Это из комиксов.

– А-а-а...

Я глянул за окно и не увидел Бориса. Нигде.

– Ты за обстановкой следишь вообще? – с раздражением спросил я. – Куда здоровяк подевался?

Женя поспешил прилечь к окулярам.

– Блин... Может, внутрь зашел или в машину залез.

– А мелюзга где?

– В антикафе. Вижу их в окнах. Сейчас чаевничать начнут.

– Эльвира коллектив спланивает. Молодец, соображает.

Женя вновь оторвался от бинокля.

– Ты о чем?

– О посиделках за чайком с печеньками. Думаю, она специально привозит сюда детей, чтобы те притерлись друг к другу. Кстати, Настиной сестры среди них нет?

– Не видать...

– Думаю, что... – Я осекся на полуслове.

...Помните, я рассказывал, что биолок, помимо пеленгации людей и предметов, имеет еще кое-какие опции? Например, он способен уловить, когда кто-то проявляет к моей персоне чрезмерный интерес. Чувство при этом возникает весьма специфическое. Чужой взгляд словно окутывает голову чем-то мягким, ложится на плечи осязаемой дымкой, и при должной тренировке можно определить, кому он принадлежит.

Именно такое чувство посетило меня. На нас с товарищем обратили пристальное внимание. Учитывая обстановку, наверняка это был Борис.

Я занервничал. Здоровяк Шеллин выпал из поля моего зрения самым постыдным образом и теперь мог оказаться где угодно.

– Что-то не так? – удивился Женья.

– Штирлиц, это провал, – ответил я.

Нежданно-негаданно я обнаружил перед окном вольешника пузо, прикрытое черной футболкой и полами длинной кожанки. Одежда зашуршала, ко мне наклонилось лицо – жесткое, квадратное и очень-очень бледное.

– Как дела, мужики? – спросил Борис.

Он застал наш наблюдательный пост врасплох. Глухой голос был абсолютно спокоен.

– Сам-то при делах? – спросил я как можно более уверенно.

Внимательные бесцветные глаза прошли по салону, остановились на бинокле в руках растерявшегося Жени.

– За маленькими девочками следите? Извращенцы?

– Да это... Мы не... – заблеял блогер.

– Птичек рассматриваем, – ответил я.

Борис перевел взгляд на меня и больше уже не сводил.

– Мужик, у тебя к нам дело какое-то? Если да, то излагай. А нет – отваливай. Мы друзей ждем.

Шеллин никак не отреагировал на мои слова. Просто смотрел. Затем положил ладонь на боковое зеркало и сжал кулак. Раздался жалобный хруст. На асфальт осыпались куски корпуса и осколки. Вместо зеркала остался торчать корявый пластиковый рог.

– У вас зеркало разбито, – подметил здоровяк. – Надо бы в сервис поскорей. А то штраф выпишут.

– Так, это уже ни в какие ворота! – возмутился Женья.

Он вытащил айфон и навел на Бориса объектив камеры.

– Вы только что оторвали нам зеркало! Может, объясните, по какой причине так поступили?!

Борис лишь криво усмехнулся, распрямился во весь рост и, одернув просторную куртку, побрел обратно к «фольксвагену».

Я завел мотор.

– Эй! – возмутился Женья. – Мы что, уезжаем?

– А ты предлагаешь остаться и пасти их как ни в чем не бывало?! Мы попались! Как минимум нужно поменять машину.

Я тронулся с места, вырывая на круговое движение.

– Поверить не могу! Детина тебе зеркало снес, а ты так просто уезжаешь!

– О! А ты хотел взыскать с него компенсацию? Добро, я не против! Давай тормозну! Выставишь счет.

Женья спрятал бинокль в бардачок, сложил руки на груди.

– Ты так говоришь, будто это моя вина...

– А чья еще? – хмыкнул я. – Ты за ним следил и проморгал.

– Я не следил, я только посмотреть взял...

– Посмотришь на чек после замены зеркала.

– В смысле?

– В прямом! Возместишь мне ремонт.

– С какой стати?!

– Ты ж прозевал, как он к нам подкрался.

– Да?! – взвизгнул Женя. – А кто так здорово припарковался?! Ты – частный детектив! Гений слежки, блин! Тебя обычный водила ухитрился заметить!

Я не стал говорить Женьку, что за все годы профессиональной деятельности участвовал в наружном наблюдении раза три или четыре и великим спецом в этом деле себя не считал.

Мы немного пособачились, потом обиженно помолчали, потом я сказал:

– Звони Насте. Скажи, мы едем обедать и по пути ее подхватим.

Мы подхватили Настю Пашутину возле ее дома и втроем отправились в «Стекляшку». Час пополудни, офисный планктон стягивался на обед, нам едва удалось ухватить свободный столик.

Женя заказал бифштекс с яйцом. Настя ограничилась легким салатом, сославшись на то, что через пару часов у нее начнутся тренировки. Я выбрал пару сэндвичей с курицей и большую кружку кофе.

Пока готовился наш заказ, я решил не терять времени даром и сразу же перешел к делу:

– Давно твоя сестра общается с Эльвирой?

Настя пожала плечами:

– Они с первого класса вместе учатся. Но близкими подругами стали месяц назад, наверное. Да, именно тогда Бетреддинова впервые пришла к нам домой.

– Ты в курсе, что ее мать заведует частной школой?

Пашутина отрицательно покачала головой.

– Стало быть, Алёнка не просила устроить ее туда?

– Так вы про «Гретель»?! Эта шарага принадлежит матери Эльвиры?

– Да.

– Был у нас такой разговор.

– Давно?

– Недели две назад. Сестра в тот вечер на подъеме была. Она, в принципе, очень впечатлительная девочка, а тогда прям искрилась эмоциями.

– Что именно говорила?

– Рассказывала, как в «Гретель» чудесно и здорово. Будто уже училась там. Наверняка Эльвира устроила ей экскурсию. Алёнка попросила оплатить ее обучение там.

– Что ты ответила?

– Отказала, разумеется. Сейчас далеко не лучший момент для подобных трат.

– Как Алёна отреагировала?

– Расстроилась, но истерик не закатывала. Правда, на следующий день пришла Эльвира – вроде как для серьезного разговора. – Настя фыркнула. – Говорила о том, как я ограничиваю сестру, не даю ей раскрыться. Сказала, что Алёнку готовы взять бесплатно. Я тогда еще удивилась: как эта шмакодявка ухитрилась договориться? Теперь понятно.

Я покосился на Женю. Блогер таращился на девушку влюбленными глазами.

– Почему вы спрашиваете? Вам удалось что-то выяснить?

– Мы считаем, что Эльвира – скаут, – выпалил Женя. – Она вербует учеников в школу матери.

Пашутина округлила глаза.

– Так это на самом деле секта?!

– Трудно сказать. Пока нет предпосылок для подобных выводов.

– А как же странные эсэмэски в телефоне сестры? Их недостаточно для выводов?

– Цели и критерии отбора в «Гретель» пока неизвестны, – сказал я. – Негативных последствий тоже не выявлено. Мы пообщались с классной руководительницей Алёны и Эльвиры...

– С Аллой Михайловной?

– Да. Она сообщила, что несколько ее учеников посещают занятия в «Гретель». И пока с ними все в порядке.

– А что, если это только до поры до времени?

– Чем занимаются в стенах школы «Гретель», я узнаю. Пока же нет оснований думать, что Алёне грозит опасность.

– Не переживай за сестру, Насть, – проникновенным тоном сказал Женя. Сегодня он – хороший коп. – Мы не допустим, чтобы с ней случилось неладное.

Как бы невзначай товарищ накрыл ладонью руку девушки. Она не отстранилась и, кажется, начала успокаиваться.

Принесли наш заказ. Я разделался с обедом быстрее всех. Съесть пару бутербродов, запивая их кофейком, дело нехитрое. Уловив красноречивый взгляд Жени, я сослался на неотложное дело и ретировался, оставив голубков ворковать.

Глава 3. Падшие ангелы

Впервой половине следующего дня я отправился в историко-художественный музей – туда, где когда-то работала Саяра Бетреддинова. Женю с собой брать не стал, поскольку тот планировал встретиться со знакомым налоговиком.

Заведовала музеем шустрая низенькая женщина лет пятидесяти, со сложно произносимым именем: Амалия Мартиновна Гольденштейн. Во избежание поломки собственного речевого центра я сразу же избрал форму обращения на «вы» и предъявил лицензию частного детектива.

Амалия Мартиновна изучала документ не меньше минуты. Я наблюдал, как ее темные глаза, увеличенные толстыми линзами очков, блуждают из стороны в сторону.

– Как интересно! – наконец заключила она. – Частный детектив... Не знала, что у нас в городе такие водятся.

– Не самая распространенная профессия, – согласился я, пряча пластиковую карточку в карман. – Но порой людям требуется помощь независимого эксперта.

– В самом деле? Как интересно!

Мы разместились в кабинете госпожи Гольденштейн. Здесь пахло историей и старостью. Женщина опустила за стол, который оказался для нее великоват. На меня она смотрела как на предвестника увлекательного жизненного приключения.

– Чем я могу вам помочь, молодой человек?

– Вы помните свою бывшую сотрудницу Саяру Бетреддинову?

Госпожа Гольденштейн молчала. Ее огромные глаза смотрели на меня не моргая. Мне начало казаться, что Амалия Мартиновна впадает в спячку.

– Ну конечно! – внезапно выпалила она. – Саечку прекрасно помню! Замечательная девочка. Такая трудолюбивая и исполнительная.

– Какую должность она у вас занимала?

– Сая взвалила на себя огромную организационную работу. Занималась проведением выставок и экскурсий. Договаривалась со спонсорами, лично водила посетителей.

– Когда она уволилась?

Снова пауза, во время которой огромные глаза словно пытались меня проглотить.

– Около двух лет назад, кажется.

– Вы в курсе, чем она занимается в настоящее время?

– Разумеется! Она открыла частную школу... – Женщина осеклась. – А почему вас интересует Саечка?

– Дело как раз таки в ее школе. Меня наняла одна пара, которая планирует отдать туда ребенка, – соврал я. – Они хотят убедиться в профессионализме Саяры Ринатовны, получить от меня необходимые рекомендации. Так что я сейчас мотаюсь по городу, опрашиваю коллег и друзей госпожи Бетреддиновой.

– Как интересно! – покачала головой Амалия Мартиновна. – И какие основательные родители! А это законно?

– Моя лицензия дает мне юридическое право проводить подобного рода мероприятия. Тем более что ничего особенного я не делаю. Поговорю с вами, с родителями других учеников школы, сделаю запрос в налоговую службу... А после составлю справку о благонадежности Саяры Ринатовны и ее учебного заведения.

– Какая интересная у вас работа!

Я рассмеялся как можно более искренне, пытаясь расположить женщину к себе.

– Честно говоря, на словах это куда увлекательней, чем на деле. Не могли бы вы рассказать о госпоже Бетреддиновой немного подробнее. Какие отношения складывались у нее с

коллегами, над чем преимущественно работала и так далее... Можете говорить открыто, ваше имя нигде не будет фигурировать.

Гольденштейн опять ушла в себя. Кажется, это была ее стандартная реакция.

– Амалия Мартиновна... – решил я слегка ускорить процесс.

– Саечка всегда была очень... требовательной, – осторожно проговорила собеседница. – По отношению и к себе, и к окружающим. Она старалась контролировать любые работы в музее.

– Коллеги разделяли такое рвение?

– Они едва терпели Саечку.

– Лично вам она не доставляла проблем?

– Господи! Нет, конечно! Такие сотрудники – на вес золота.

– Значит, Бетреддинова занимала руководящую должность?

– Нет же! И в том основная причина напряженности в коллективе. Коллеги считали, что Саечка не имела права раздавать им распоряжения, не будучи начальником.

– А открытых конфликтов не возникало?

Гольденштейн покачала головой. Очень-очень медленно.

– Все боялись ее. За глаза называли ведьмой. Поговаривали, что Саяра может наслать проклятье! Она же татарка... Еще и увлекалась всякой чертовщиной.

– Чертовщиной?

– Саяра верила в потусторонние, знаете ли, силы. В сверхъестественное. Интересовалась городскими легендами... – Гольденштейн вдруг осеклась, словно сболтнула лишнего.

– Какими, например?

Амалия Мартиновна посмотрела на часы над входной дверью. Затем медленно поднялась, обошла свой огромный стол и села в кресло подле меня.

– Вы же слышали о подземных переходах?

Я сразу понял, о чем говорит заведующая музеем. Каждый житель Серпейска знал легенду о катакомбах под городом. Якобы их прорыли монахи много веков назад. Если верить рассказам, в подземных переходах обитали души служителей, павших в войнах с татаро-монголами. Там же будто бы были спрятаны и монастырские сокровища. Каждый год находился очередной Индиана Джонс, решивший во что бы то ни стало разыскать клад. Не удалось еще никому.

– Да, я понял, о чем вы. И Саяра, значит, интересовалась этой тематикой?

– Она была одержима легендами! Сокровища, привидения... Верила, что все это по-прежнему там!

– А оно – там?

Амалия Мартиновна посмотрела на меня как на школьника, сморозившего околесицу у доски.

– Хотите спросить, отыскал ли хоть кто-нибудь вход в эти катакомбы?

– Я слышал, что многие пытались.

– И никто не сумел. Было обнаружено два или три прохода, но они оказались заваленными в советские времена.

– А Саяра? – спросил я. – Она лично искала возможность попасть в подземелье?

Гольденштейн в очередной раз погрузилась в воспоминания. Я подумал, а не пойти ли кофейку заварить.

– Я вам не скажу, пыталась ли она спуститься туда... но теоретической стороной вопроса интересовалась крайне живо! Даже организовала отдельный стенд в архиве городских документов. Саяра очень много времени потратила на чтение. Архивные записи, начиная с основания Серпейска в 1339 году, упоминания о наследии монахов – все откладывала в личную ячейку.

– Прекрасно! – оживился я. – Вы позволите взглянуть на ее картотеку?

– К сожалению, это невозможно. – Гольденштейн опустила погрузневшие глаза. – Записи уничтожены.

– Как так?

– Однажды в архиве случился пожар. Существенного ущерба огонь не нанес, но стенд Саяры сгорел. Все ее наработки, выдержки из летописей монахов. Саячка была раздавлена. Она решила, что поджог совершен намеренно, и обвинила во всем других девочек! Сая считала, что это была месть коллектива за излишнюю требовательность с ее стороны. Вот как раз после инцидента она и написала заявление об уходе, а потом пропала почти на год.

– А к какому варианту склоняетесь вы? Поджог или самовозгорание? – аккуратно поинтересовался я.

Гольденштейн вздохнула.

– Трудно сказать. Все случилось во время очередной «Ночи в музее». Пожарный инспектор считает, что кто-то из посетителей отклонился от маршрута экскурсии и решил сделать перекур. Он бросил непотушенную сигарету в корзину с бумагами – так и произошло возгорание. Виновных не нашли...

После беседы с госпожой Гольденштейн личность гражданки Бетреддиновой заиграла для меня новыми красками. Увлечение сверхъестественным, при том что у ее дочери явно имелись экстрасенсорные способности, вполне могло послужить отправной точкой для поисков чего-то непостижимого, что было скрыто под нашим городом. Доступ к историческим документам, умение работать с информацией стали ее инструментом. Неожиданный уход из музея вызывал подозрения. Пазл в моей голове складывался в нелицеприятную картинку – Саяра все сильнее виделась мне в негативном ключе. Нужно было установить, где она пропадала целый год. Возможно, это обстоятельство прольет свет на причины столь внезапного открытия ею частной школы.

Я поблагодарил Амалию Мартиновну за оказанную помощь и покинул музей. Дождя пока не было, но небо затянули серые тучи. Я глянул на часы и поспешил на стоянку.

Здесь-то меня и поджидали – прямо возле «вольво». Маленькая девочка в синих джинсах и фиолетовой толстовке с капюшоном стояла, привалившись к капоту машины. Подойдя ближе, я признал в ней Эльвиру Бетреддинову.

– Привет, радар, – бодро кивнула она. – Узнал, что хотел?

– Слезь с капота – вмятину оставишь.

Я смахнул девчушку с машины.

– Эй!

– Как ты меня нашла?

– Я вижу ауры людей и запомнила оттенок твоей. Теперь если сосредоточусь, то различу тебя где угодно в радиусе километра.

– Неплохо.

– А что у тебя? Какой скилл?

Я пропустил вопрос мимо ушей.

– Да ладно тебе, – хмыкнула девчушка. – Я ж вижу – ты из нашего племени.

– Из «вашего племени»?

– Конечно. Мы – экстрики, и нас много. Так что ты умеешь? Как устроен твой радар?

Она смотрела мне прямо в глаза, действительно интересуясь вопросом.

– Я могу найти человека, где бы он ни находился.

– По фотке?

– Если не знаю, как он выглядит, то да.

– А если знаешь?

- Тогда достаточно просто представить.
- А если он помер?
- Без разницы.
- Даже если от него остались только старые, изъеденные червями, покрытые паутиной тарантулов кости?
- Ну, такой сочный натюрморт мне искать не доводилось, но, думаю, найду и их. Девчушка одобрительно кивнула. Похоже, я прошел ее личный тест на крутость.
- Неплохо. Ты бы нам пригодился.
- «Вашему племени»?
- Всему движению.
- Какому?
- Движению экстриков.
- Экстрики, значит?
- Да, экстрики.
- Я усмехнулся.
- Слишком много согласных, язык ломается.
- Она нахмурила лобик.
- Это мое название, я сама его придумала. Надо было как-то назвать, я и назвала. Придумай лучше, если сможешь.
- А кто во главе тусовки? Твоя мама?
- У движения нет лидера. Только высшая цель!
- Я не смог сдержать улыбки.
- И какая же?
- Нужно показать всему миру, что мы реальны! Пришел наш черед! Время вынуть голову из песка и заявить о себе! Запустить движение.
- Я по глазам видел, что девчонка говорит вполне серьезно. Даже несколько фанатично.
- Это и есть высшая цель? Пониже ничего не нашлось?
- Эльвира подозрительно прищурилась.
- Ты меня троллишь?
- Ни в коем разе. Пытаюсь смекнуть, что случится...
- Когда мы все выступим?!
- Запустите движение.
- Ха! Тогда люди узнают, что мир давно не так прост, как они считают.
- Теперь уже я кивнул одобрительно.
- Звучит так, словно ты задумала революцию.
- Я и задумала, – с жаром выпалила девочка. – Но нужно еще вас, старперов, растормошить.
- И решила начать с меня?
- Эльвира спрятала руки в карманы толстовки, пнула кроссовкой маленький камушек.
- Не... Я пришла в гости позвать. Мама хочет тебя видеть.
- Зачем?
- Кто-то вчера следил за дядей Борей. Я уверена, это был ты.
- С чего бы вдруг?
- Твоя аура. У нее скотский оттенок шпиона.
- Я рассмеялся.
- Скотский, значит?
- Она подняла голову, посмотрела на меня со всей серьезностью.
- Ты зарабатываешь, когда что-нибудь вынюхиваешь или ищешь плохишей.
- А как выглядит моя аура?

- Как скотская. Но насчет нас ты ошибаешься. Мы не плохиши.
- И твоя мама хочет убедить меня в этом?
- Именно. Так ты придешь?
- Когда?
- Прямо сейчас.
- Раздумывал я недолго.
- Поехали.
- Я разблокировал автомобиль. Эльвира распахнула дверцу.
- Как тебя зовут, кстати?
- Следопыт, – ответил я, обходя машину.
- Это не имя.
- А мне нравится.
- Мы сели в авто. Эльвира манерно вздохнула.
- Ну, ты хотя бы не гундишь, что я тебе тыкаю...

От музея до школы «Гретель» путь был недолгим – всего пара минут езды. Серпейск городок маленький, все рядом.

- Заезжай во дворик, – сказала Эльвира. – Поставишь тачку под навес.
- Я снаружи припаркуюсь.
- Боишься оказаться в ловушке?
- За машину тревожусь.

Девчушка презрительно фыркнула. Но в целом она была права. Я не собирался загонять авто на территорию школы, тем самым лишая себя путей к отступлению. Коричневого пояса по карате и травматического пистолета под сиденьем должно быть достаточно, чтобы отмахаться от возможной засады, но машинку лучше держать на воле.

Я припарковался вдоль бордюра, мы выбрались из авто. Начинался дождь. Далеко впереди, над высоким подъемом улицы, маячил дирижабль правительства.

– Достала эта махина, да? – спросила Эльвира. – Наверняка ее пригнали, чтобы нас выслеживать.

- Ты про «ваше племя»?
- Хватит это повторять. Бесишь уже.

Она открыла калитку и прошла на территорию. Я шагнул следом, отметив, что черный «мерседес» стоит под навесом, а вот микроавтобус отсутствует.

Поднимаясь по бетонным ступеням на крыльцо, я обратил внимание на наличие панели включения сигнализации под дверным звонком.

Мы, войдя в дом, очутились в длинном и просторном коридоре, выполнявшем, по всей видимости, функции холла. Приглушенный желтый свет, пустующая стойка ресепшен у входа, безликая картина на стене.

- Можешь не разуваться, – сказала Эльвира.
- Какое радушие.

Коридор заканчивался дверью в подсобку и переходом в следующее помещение. Пройдя за Эльвирой, я оказался в просторном актовом зале. Дневной свет проникал в него через два огромных окна. Вдоль стены тянулись ряды деревянных стульев. Слева располагалась небольшая сцена с софитами и винтовая лестница, ведущая на второй этаж. А в центре зала меня ожидали два человека, которых я сразу же узнал благодаря фотографиям на сайте школы «Гретель».

Саяра Ринатовна оказалась довольно рослой женщиной, на пару сантиметров выше меня. Резкие черты лица, волосы длинные и прямые, очень смуглая кожа. Зеленые, без малейших

намеков на доброту и покладистость глаза смотрели уверенно. Одета она была в строгое зеленое платье в пол, подчеркивающее идеальную осанку.

Ее компаньон Макс выглядел менее представительно, но куда опаснее. Глазки маленькие, черненькие и вертлявые. Треугольное лицо бледноватого оттенка, взлохмаченные темные волосы. Черный костюмчик с галстуком и белой рубашкой на тщедушных узких плечиках не добавлял ему респектабельности. Макс держался позади Саяры, спрятав руки за спиной, и на меня смотрел с плохо скрываемой хитрой ухмылкой. Впечатление он производил прегнусное.

Я остановился в нескольких шагах от парочки. Эльвира отошла в сторонку и замерла, скрестив руки на груди.

– Он побоялся загонять машину, мам. Думает, что мы задумали его прикончить.

Саяра едва заметно улыбнулась.

– Вы действительно опасаетесь, что мы хотим вас убить? – Голос ее оказался очень чистым и твердым.

– Я рассматриваю все варианты.

– Он реально их рассматривает, ма. Прямо сейчас сканирует все подряд. Я вижу, как тянутся синеватые лепестки от его головы...

Я повернулся к ребенку:

– Я-то думал, мы друзья.

– Ага, мечтай.

– Эльвира, перестань смущать гостя. Вы должны простить мою дочь. Она обладает сразу двумя талантами, не способствующими общению: видит намерения людей и говорит, что думает. Ужасная комбинация.

– Да, я успел оценить.

– Позвольте представиться. Меня зовут Саяра Ринатовна, это – мой компаньон Макс Витальевич. – Она сделала паузу, внимательно глядя на меня. – А как ваше имя?

Я ничего не успел ответить – за меня это сделала мелкая чертовка:

– Он назвался Следопытом.

Макс неприятно усмехнулся. Саяра же отнеслась к фразе дочери со всей серьезностью.

– Разумеется... Ведь это имя передает суть вашего дара, не так ли?

– Зачем вы меня позвали? – спросил я.

– Хотела познакомиться и узнать, не вы ли вчера следили за моим вторым помощником?

– Да, я.

– Зачем?

– Он показался мне странным парнем.

– Вы решили, что «напали на след»?

– Когда я его нашла, он выходил из твоего музея, – в очередной раз сдала меня Эльвира. Я вновь покосился на девочку – она тоже начинала меня бесить.

– И ты еще мою ауру называешь скотской?

– Общались с Амалией Мартиновной? – спросила Саяра.

– Знакомился с коллекцией природных камней.

– Ее выставят только через неделю, а вам ложь не к лицу. Как поживает моя бывшая работодательница?

– Вся в расстройстве из-за вашего сгоревшего архива.

– Вы – сотрудник правоохранительных органов?

– Я друг человека, которого обеспокоили действия вашей дочери.

– Анастасия Пашутина, – с пониманием кивнула Саяра. – Дочь рассказывала о вашей встрече у них дома. Уверяю, малышке Алёнке ничего не угрожает.

– Рад это слышать.

Бетреддинова вздохнула.

– Давайте говорить напрямую...

– Давайте, – поддержал я эту идею.

– Мы живем в уникальное время, – продолжила она. – Что-то в людях меняется, мир перестраивается – и вы это чувствуете. Вы не можете сказать, как именно, но подспудно ощущаете некие процессы. Мой ребенок обладает удивительным даром. Я убеждена, что она не одинока. Вы – второй телепат в этом помещении – являетесь прямым тому доказательством.

Я пожал плечами:

– И что с того?

– А то, что люди со сверхъестественными способностями существовали всегда. Другое дело, что многие из них живут, так до конца и не реализовав потенциал. Интуиция, дежавю, вещие сны – все это зачатки восхитительных умений, которые никак не могут пробиться в повседневную жизнь!

Я посмотрел по сторонам.

– Этим вы здесь занимаетесь – растите телепатов?

– Моя дочь ищет детей, чья аура насыщена особой энергетикой. Отыскав ребенка с минимальными задатками экстрасенса, мы предлагаем ему стать учеником школы «Гретель» и развить спящий талант до максимально возможного уровня.

– Лавры профессора Ксавье вам жить не дают?

– Чьи?

– Не важно... А для чего вам это? Хотите обзавестись личной армией детей-телепатов?

– Я считаю, нереализованный потенциал – самое страшное, что может произойти с человеком. Красивый цветок, которому не дали расцвести. Я сама слишком долго занималась нелюбимым делом. В итоге бесценные годы жизни растрочены впустую, а результат – невыносимая тоска. Я не позволю дочери блуждать в темноте общественных стереотипов и стать конвейерным болванчиком. И если, кроме нее, удастся помочь еще паре детишек, можно будет сказать, что свою жизнь я прожила не зря.

Бетреддинова говорила вполне убедительно, как человек, искренне верящий в свои идеалы. Я перевел взгляд на Макса. Мелкий и суетливый, он переминался с ноги на ногу, выглядывая из-за плеча компаньонки. Вот в его благородных порывах сорокалетнего человека, затеявшего переоценку жизненных ценностей, я очень сомневался.

– Вы готовы тратить свои деньги на развитие экстрасенсорных способностей у чужих детей? – поинтересовался я.

– Занятия отнюдь не бесплатны. К тому же в школе «Гретель» мы обучаем игре на музыкальных инструментах, актерскому мастерству и другим видам искусства. И, дабы не быть голословной, я прошу вас лично во всем убедиться. – Саяра подняла руку в пригласительном жесте.

– Предлагаете осмотреть школу?

– Если вы не торопитесь.

Я вновь посмотрел на Макса. Шнырь ухмылялся, глядя на меня исподлобья. Он мне определенно не нравился.

Мы направились к винтовой лестнице. Саяра держалась рядом со мной, а вот Макс маячил за спиной, отчего мне стало не по себе. Всевидящая Эльвира это, конечно же, подметила, отчего радостно улыбалась во все тридцать два.

– Видите ли, господин Следопыт, я воспринимаю гуманитарные науки и искусство в качестве одного из основных инструментов развития экстрасенсорных способностей, – говорила Бетреддинова. – Ведь как у вас, телепатов, заведено: мало что-либо почувствовать, необходимо корректно истолковать сигнал. Окончательный вердикт сильно зависит от умения экстрасенса взглянуть на ситуацию под нетривиальным углом. Для этого просто необходимы развитое образное мышление и некоторая гибкость восприятия.

Мы поднялись на второй этаж и попали в длинный коридор с тремя дверями по левую руку. К каждой был подведен провод сигнализации.

– Классы разделены по дисциплинам, – пояснила Саяра. – Каждый ребенок обладает талантами в определенных областях. Мы предоставляем им самим выбрать, каким видом деятельности заниматься. И уже после этого определяем в профильные группы.

Бетреддинова толкнула ближайшую дверь.

– Класс девяти искусств. Литература, живопись, музыка – мы приглашаем специалистов всех базовых направлений творческой деятельности. Занятия искусством как ничто другое способствуют развитию образного мышления, необходимого толкователям. Прошу, проходите.

Я зашел в просторное, хорошо освещенное помещение, где царил типичный творческий беспорядок. По полу были разбросаны наборы красок, фломастеры, книги, цветные мелки, комиксы. По углам расставлены мольберты с непонятной мазней. Белоснежные стены использовались в качестве холста для граффити.

– Мы ответственно подходим к нашим занятиям, – сказала Саяра. – Даже если ребенок не достигнет заметных результатов в экстрасенсорике, но проявит склонность хотя бы к одному из искусств, это не останется незамеченным. При должном подходе мы в состоянии сделать из него как минимум искусного ремесленника.

Следующий зал мне приглянулся больше. Светло, на стенах плакаты с алфавитами и основами грамматики по меньшей мере пяти различных языков. Плазменный телевизор, дорогая стереосистема. Круглый стол с магнитофоном и комплектом наушников.

– Класс лингвистической подготовки. В этих стенах куются полиглоты. Существует теория, согласно которой изучение иностранных языков благотворно сказывается на развитии определенных участков мозга, непосредственно задействуемых в экстрасенсорной практике.

– Вы подтвердили эту теорию? – спросил я.

– Отчасти. Детский организм нестабилен. Невозможно предугадать, на какой триггер возникнет реакция или что в конечном счете послужит причиной проявления экстрасенсорных сил.

– Я уже свободно владею двумя языками, – гордо заявила Эльвира.

– Да? И какой из них ты знаешь лучше? Русский матерный?

– Ха-ха, какая тонкая шутка, господин Следопыт. И совсем без бороды.

Наша разношерстная компания перешла в последний, третий зал. Он сильнее предыдущих напоминал традиционный класс, хотя парты и были здесь расставлены по кругу. Повсюду развешаны портреты умных мужиков с достойными фамилиями. Пафосные цитаты в рамках, большие книжные шкафы, заставленные серьезными трудами. Помещение буквально дышало знаниями.

– Класс гуманитарных и социальных дисциплин, – пояснила Бетреддинова. – Приглашенные педагоги знакомят наших учеников с основами культурологии, социологии, философии и психологии.

– Я смотрю, вы не боитесь перегрузить детишек, – заметил я.

– Они должны понять простую вещь: обладание сверхъестественными способностями – это далеко не привилегия и, если говорить начистоту, никакой не дар свыше. Это – бремя. Умение грамотно распоряжаться своими возможностями – самый сложный труд и ответственность перед огромным миром.

– Вы точно не боитесь перегрузить детишек...

– Не согласны со мной? Ваш дар не создает вам неудобств? – Бетреддинова прямо-таки вцепилась в меня глазами. – У вас нет обручального кольца – вы явно не состоите в постоянных отношениях. Друзей наверняка мало, а работа не требует постоянно находиться в коллективе. Как я это поняла? По вашей ауре. Я не могу ее увидеть, но моя дочь – может. И, исходя из того, что она мне о вас рассказала, я имею некоторое представление о ваших возможностях. Это ведь

не просто хорошая интуиция, да, господин Следопыт? Вы знаете, что обладаете гиперовосприимчивостью, и целенаправленно развивали в себе эту способность, не так ли? Как много вы можете?

– Он сказал, что находит людей, – ответила за меня Эльвира. – И живых, и мертвых.

– А-а-а, ясно, – кивнула Саяра. – Человек-радар.

– Я называю это биологическим локатором.

– Постоянно ловите сигналы, часть которых не в состоянии трактовать, верно? И каждый человек, с которым вы взаимодействуете, видится вам лишь сгустком раздражающих импульсов. Так ответьте, господин Следопыт, как вам живется с этим?

Она смотрела мне в глаза с вызовом, слегка прищурившись. Практически все, что сказала женщина, оказалось правдой. Спорить было бесполезно. Но и развивать тему я тоже не стал.

– На этом все? – спросил я.

– На этом все, – эхом отозвалась она.

– Больше вы ничего не планировали мне показать?

– Третий этаж отведен под хранилище инвентаря и мой рабочий кабинет, а актовый зал и сцену вы видели сами.

– Я заметил еще одну дверь в конце коридора.

– Выход на открытую веранду.

Я покосился на Макса. Шнырь продолжал держаться за плечом Бетреддиновой, поглядывая на меня с жуликоватой ухмылочкой. Я кивнул в его сторону:

– А это создание вообще говорит? За все время, что я здесь, он ни слова не проронил!

– Вы раздражены, простите меня за это, – сказала Саяра. – Иногда я бываю излишне прямолинейна. Я лишь попыталась донести до вас значение своей инициативы.

– Тогда скажите прямо: родители ваших учеников ведь не в курсе, что отдали детей в школу экстрасенсов?

– Разумеется, нет, – с фирменной полуулыбкой ответила Бетреддинова. – Для всех мы учреждение дополнительного культурного образования. Родителям всех нюансов знать не обязательно, а детей мы просим не распространяться о некоторых аспектах.

– Мне вы рассказали.

– Потому что вы с моей дочерью – одного поля ягоды и способны видеть ситуацию под правильным углом. Я очень рассчитываю на взаимопонимание.

Мы вновь спустились на первый этаж, остановились посреди зала.

– Как видите, – продолжала Саяра, – в наших стенах мы не пытаем детей и не разбираем их на органы. Что же касается вашей подруги... Эльвира прекратит контакты с ее сестрой вне школы и перестанет появляться в их доме.

– Что?! – возмутилась девочка. – Мам...

– Такое решение вас устраивает? – не глядя на ребенка, спросила Бетреддинова.

– Вполне, – соврал я.

– И вот еще что... Я хочу сотрудничать с вами.

– Сотрудничать? – искренне удивился я.

– Я стараюсь дать детям максимум полезной информации, но еще ни разу перед ними не выступал осознанный телепат со стабильными навыками. Не найдется ли у вас время поделиться своим опытом жизни с уникальным даром?

Я внимательно всматривался в восточное лицо Саяры и не понимал, говорит ли она всерьез или слегка подначивает меня.

– Надо подумать, – уклончиво ответил я.

– Мы предлагаем вам дружбу. Она дорогого стоит.

Интонация, с которой были произнесены последние слова, сказала мне больше, чем весь предыдущий разговор. Странная троица готова до конца сражаться за свою территорию и вме-

шательств извне терпеть не намерена. Чего уж тут лукавить, они умели произвести впечатление непростых людей. Я ничего не ответил и покинул школу.

Холодный ветер остудил лицо. Я побывал в логове врага, но вопросов возникло больше, чем получено ответов. Особняк оборудован неплохой системой сигнализации. Третий этаж под запретом. «Гретель» казалась сотканной из тайн и секретов, а показная готовность работать открыто – конечно, не более чем искусная ширма, блюдо на вынос. Меня раскатали как ребенка, вскрыв всю подноготную, при этом сохранив собственные тайны. Бетреддинова умна – потому-то и опасней жуликоватого Макса с ужимками базарного щипача или видящей ауры девчушки.

Подойдя к машине, я посмотрел в небо над городским парком. Вдали проплывал дирижабль правительства. Наблюдал свысока, сея в прохожих тревогу. Нервозность витала в воздухе. Я изо всех сил старался не поддаваться ей, хотя сложно продолжать мяукать, живя среди собак.

Я сел за руль и поехал в центр города.

Десять минут спустя мне посчастливилось занять угловой столик в любимой «Стекляшке». В обеденное время здесь было не протолкнуться. Официантка приняла заказ и оставила меня в ожидании бифштекса с яйцом. Я достал смартфон и погрузился в изучение последних новостей из жизни города.

Очередное ДТП на «проклятом перекрестке», два бытовых убийства близ психиатрической больницы, перестрелка на окраине – типичная сводка происшествий за сутки в родном Серпейске. Мое внимание привлекло выступление мэра перед силовиками. Если верить «Подслушано в Серпейске», Харыбин был крайне доволен статистикой воздушных патрулей, и если их КПД продолжит расти, то появится резон увеличить количество дирижаблей. В заметке не было сказано, как на подобную инициативу отреагировали СМИ и представители силовых ведомств, а вот авторы паблика разродились потоком яда, в очередной раз затянув песню о жестоком режиме, взявшем простых граждан в ежовые рукавицы...

Вскоре прибыл Женя. Блогер выглядел бодрым и возбужденным: что-то откопал.

– Поел уже? – спросил он, бросая на стол айпад в белоснежном чехле.

– Только пришел.

– Отлично!

Он снял пальто и длинный шарф, переместился к вешалке с единственными оставшимися плечиками. Почти одновременно с Женей за ними потянулась пухлая рука какого-то мужика в свитере, вознамерившегося водрузить на них ветровку.

– Простите, я первый пришел, – тоном не терпящим возражений заявил Женёк и практически выхватил плечики у мужика.

– Чего? – возмутился тот.

– Я первый пришел, – повторил Женя громче.

Как ни в чем не бывало он накинул пальто на вешалку и вернулся к своему столику. Мужик в растерянности остался у разбитого корыта. Видно было: он не прочь дать Женю в пятак, но стесняется учинять скандал в кафе, полном народа. Редкий трезвый человек затевает потасовку на виду у всех. Женя знал это. И частенько использовал опцию себе во благо.

– Что заказал? – спросил блогер, садясь напротив.

– Бифштекс с яйцом.

– А попить?

– Капучино.

– Большую кружку, без корицы?

– Так точно.

Женя хмыкнул.

– Ты не меняешь привычек.

– На то они и привычки.

Он поскреб бороду.

– Тоже, что ли, кофейку хряпнуть...

– Хряпни.

– Да я, вроде как, отказываюсь от этого. Ты знал, что кофеин плохо влияет на выработку тестостерона?

– Тебе-то что? Один хрен целыми днями за компьютером. На какой сайт тестостерон растрачивать будешь?

– Ох, какие у нас шутки смешные, – поморщился Женя. – Прямиком из казармы. А главное, не бородатые ни разу.

– Где-то я уже это сегодня слышал...

Подошла официантка. Женя заказал имбирный чай и яблочный штрудель.

– Короче! – Он хлопнул ладонью по столу и включил айпад. – Я кое-что нарыл, напарник.

Я правильно сказал: «нарыл»?

– Так в кино говорят нью-йоркские копы.

– Мне просто нравится, как звучит! – с воодушевлением пояснил товарищ. – Брутально прям.

– Ясно...

– В общем, слушай. Дружище из налоговой проверил финансовую подноготную «Гретель».

– Кто спонсор Саяры?

– А никто! Нет у нее спонсора.

– Особняк сдается в аренду?

– Тоже мимо. Они выкупили дом год назад. Заплатили разом всю сумму.

Я развел руками:

– Откуда такое бабло у сотрудника музея?

– Строго говоря, в учредителях числится не только Бетреддинова. Судя по документам, братья Шеллины находятся с ней в равных долях.

– Кем эти двое работали до «Гретель»?

Женя довольно улыбнулся.

– А вот тут начинается самое интересное.

Он провел пальцем по планшетнику, активируя экран. Вновь пришла официантка, поставила мой заказ и столовые приборы. После ее ухода товарищ начал делиться открытиями.

– Если верить документам, огромными финансами братья Шеллины не располагали никогда. В начале «нулевых» занимались кто во что горазд: таксовали, вагоны разгружали, мухлевали с валютой. В новом десятилетии они наконец-то нашли истинное призвание: Макс и Борис подались в черные копатели.

Я покачал головой, принимаясь за обед.

– Они неплохо подзаработали на поисках ржавых касок. Излазили не только Серпейский район, но и всю нашу область, а также Тульскую, Калужскую и Брянскую. Обросли связями. Изредка брались за посредничество, если кому-то хотелось вывести на рынок какую-нибудь вещьцу. Нужных людей они знали. Короче, подозрительные личности. Станный выбор на роль соучредителей учебного заведения.

– На самом деле нет, – сказал я. – Мне сегодня довелось побывать на прежнем месте работы Бетреддиновой и пообщаться с ее боссом.

– Гольденштейн?

– Знаешь ее?

– Весь город знает. Специфичная дама, да?

– Есть немного. Но разговорить ее несложно. В общем, она сказала: у Саяры был своеобразный бзик – городская легенда, на которой та помешалась.

Женёк задумался, а я отправил в рот очередной кусок бифштекса.

– Подземные катакомбы? – догадался товарищ.

– Именно.

– Какая банальщина!

– Но все сходится. Саяра основательно изучила документы по архитектуре города. Даже собственный архив завела. Со слов Гольденштейн, в нем содержалась полноценная архитектурная летопись Серпейска. Все, что когда-либо возводилось в городе, все подземные коммуникации, отмеченные в официальных документах, попали Саяре на карандаш.

– Ты видел эту подборку?

– Нет. В одну из «Ночей в музее» кто-то из посетителей отбил от группы, решил сделать перекур, да не затушил окурочек. Случился пожар. Архив, собранный Саярой, полностью сгорел. Узнав об этом, Бетреддинова пришла в бешенство, закатила истерику и уволилась из музея.

– Я ее понимаю! – кивнул Женя. – Если бы мои статьи...

– Расслабься, чувачок, – усмехнулся я. – Не было никакого экскурсанта с папироской. Саяра сама устроила поджог.

Женька наморщил лоб.

– Ты же сказал, документы много для нее значили!

– Во-первых, нет оснований полагать, что сгоревшие бумаги – это на самом деле картошка Бетреддиновой. Она вполне могла подменить их старыми газетами, а подлинники спрятать понадежней. А во-вторых, записи требовались ей, чтобы выяснить лишь одну вещь.

– Где располагаются подземные переходы?

– Где спрятаны сокровища серпейских монахов. Допустим, этот пробел она заполнила, тогда потребность в документах автоматически отпадает.

Женя задумчиво сложил руки на груди, глубоко задумавшись. Официантка принесла имбирный чай и яблочный штрудель. После ее ухода я продолжил:

– Саяра не случайно знакома с черными копателями. Она много лет посвятила поискам кладов. Изучила расположение всех скрытых ходов-выходов подземного города. Но ею руководили не амбиции историка, а вполне меркантильный интерес. Видимо, в определенный момент Бетреддинова уверовала, что наконец нашла искомое. Не желая делиться находкой с кем-то из коллег, она уничтожила записи. Ведь в наработках больше нет нужды. Но вот чего ей не хватало, так это навыков поисковых работ.

Я замолчал, доедая мясо.

– И она нанимает Шеллиных, – подхватил Женя.

– Братья – опытные копатели. Со связями. Знают, к кому можно податься с кладом в обход государства. Троица исчезает на время, реализуя навар, а потом они выскакивают как черт из табакерки и выкупают особняк. Открывают школу, запускают рекламу... Это большие деньги. А спонсоров не заявлено – ты сам проверил.

Я видел, что Женя не особо верит в мою догадку.

– Думаешь, они реально нашли сокровища? Может, и призраков убитых монахов?!

– И жителей «полой Земли».

– Нет, серьезно, есть такая легенда. Люди продолжают лезть в катакомбы, а затем многие из них умирают от тяжелых болезней. По легенде, их убивают призраки, стерегущие монастырские сокровища. Хотя, конечно, фишка не в призраках.

– Да неужели?

– Под землей выявлена сильная концентрация радона. Очень опасный газ.

Я отставил пустую тарелку, пододвинул чашку кофе.

– А ты много знаешь, я смотрю. Тоже грезил мечтами о кладов?

– Пару лет назад писал большой пост для «Подслушано». Про катакомбы и другие странности города. Кое-что отложилось в памяти.

Я пожал плечами.

– Просвети меня, пока кофе пью.

Женя почесал стильную бороду.

– Да не сказать, чтобы я многое помнил... Как ты знаешь, Серпейск был основан в середине четырнадцатого века. Город всегда считался пограничным и служил аванпостом в периодических стычках с татаро-монгольскими завоевателями. Естественно, монастыри выполняли функции крепостей. К концу пятнадцатого века их было уже три: Серпейский кремль на Красной горе, Высоцкий мужской и Владычный монастыри. Между собой их связывали подземные коммуникации. Так возникла система «Засов» – город-дублер на двадцатиметровой глубине. Согласно летописям, воеводы пользовались «Засовом» для скрытого перемещения войск, хранения еды и прочего. Поскольку имелись выходы к речке Каре, во время осады можно было пополнить запасы воды.

Я почесал бровь, обдумывая полученную информацию.

– Какова протяженность переходов?

– Не знаю. Надо копаться в документах. Но, по идее, рукава опоясывали весь Серпейск и имели десятки потайных комнат. Говорят, даже под устьем Кары имеется коридор. Этаким местечковый Ла-Манш.

– Много у монахов было богатств?

– Скажем так, когда сто лет назад большевики приняли решение о повсеместной секуляризации, монахи попрятали в катакомбы не только монастырские иконы, но и вещички зажиточных горожан. Тех, кто не хотел делиться с народом своими кровными. Поэтому, помимо старинных фресок, мы ведем речь и о предметах искусства, коллекционных монетах, аксессуарах и так далее. Сейчас это стоило бы целое состояние!

– Что-то пошло не по плану?

– Ребята из ВЧК. Они прочесали ходы, выволокли все, что смогли отыскать, а потом просто взорвали катакомбы.

– Думаешь, все заначки выгребли?

– Сложно сказать. Да и какая разница, если ходы завалены.

Я усмехнулся:

– Получается, не все, раз Саяра с Шеллиными клад нашли.

– Мы не знаем этого наверняка.

– У тебя есть альтернативное объяснение их богатству?

– Нет, но я же только по поверхности прошелся. Думаю, если копнуть глубже, вскрыется иной источник доходов.

Я сделал неторопливый глоток кофе и спросил:

– А ты сможешь объяснить, почему они до сих пор держатся друг друга? Допустим, Бетрединова дала точные координаты, а копатели Шеллины подняли клад. Почему они не разделили куш поровну и не разбежались, а открыли частную школу? Дело это не шибко прибыльное. Скорее всего, они лишь недавно вышли в ноль – и то не факт, учитывая стоимость особняка. В чем выгода-то?

Женя развел руками.

– Деньги отмывают?

– Или используют школу в качестве прикрытия для других махинаций. Я был там сегодня. Подозрительное место, скажу тебе. Повсюду датчики, будто сейф с золотом стерегут.

– Погоди-погоди... – поднял руку Женя. – Ты был сегодня в «Гретьель»?!

– Совсем недавно.

– И ничего мне не сказал?!

Я сделал невинное лицо.

– Ох, прости... Вылетело из головы.

– Вылетело из головы?! Ты отправился в логово зверя, и это у тебя «вылетело из головы»?

– Да все получилось экспромтом. Эльвира поджидала меня возле музея. Сказала, что ее мать очень хочет со мной познакомиться. Ну а кто я такой, чтобы отказывать даме?!

Женя откинулся на спинку стула. По его застывшему в ошеломенности лицу я понял, что новость о моем визите в «Гретель» произвела на блогера куда большее впечатление, чем наши разговоры о подземельях, сокровищах и призраках.

– Так, погоди, – сказал он. – Как вообще Саяра прознала про тебя?

– Борис Шеллин рассказал, как спалил нас на площади. Она сложила это с пересказом дочери о встрече на квартире Насти и сделала соответствующий вывод.

– То есть Бетреддинова знает, кто ты такой?

– Понятия не имеет.

– Тогда как тебя нашли в целом городе?

– Дело нехитрое, когда твой ребенок экстрасенс. Ты был прав насчет Эльвиры – девчушка видит ауры.

Товарищ вспыхнул победным фейерверком.

– А я тебе говорил: с ней что-то не так!

– Как я понял, мой оттенок отпечатался у нее в памяти, и теперь младшая Бетреддинова может в любой момент отсканировать меня в радиусе километра.

– То есть она такой же биолокатор, как ты?

– Не совсем. Ее дар устроен по-другому.

Женя нетерпеливо тряхнул головой.

– Начинаю чувствовать себя Алисой в Стране чудес. Дальше что?

– Приехали мы в «Гретель», – продолжил я. – Там меня дожидались Саяра Ринатовна и Макс Шеллин. Стремный мужичок, надо заметить. Ни слова не сказал, все время держался у Бетреддиновой за спиной. Я даже подумал, он выискивает момент, чтобы мне выкидуху под ребро сунуть...

– А Саяра как?

– Крутая баба. Она там всех в кулаке держит. Наверное, вздумай Шеллины свинтить, она бы их куда-то не отпустила.

– Чего от тебя хотела?

– Ты не поверишь: познакомиться. Даже экскурсию устроила.

– Зачем ей с тобой знакомиться?

– Она одержима идеей дружной супергеройской семьи и считает меня духовным родственником своей дочери-телепата.

Поднимавшаяся из-за соседнего столика девушка уловила последнюю фразу. Волна негодования пробежала по ее симпатичному личику, в глазах мелькнула мысль, не вызвать ли «скорую». Я постарался улыбнуться ей максимально обаятельно.

– Сюжет для книги обсуждаем.

Девушка никак не отреагировала, лишь подхватила сумочку и поспешила ретироваться.

Женька сморщился, как от зубной боли.

– Духовный родственник? Ты?!

– Эльвира разыскивает и рекрутирует детишек с задатками телепатов. Видимо, аура экстрасенсов, как она нас называет, светится по-другому. У Саяры же есть теория, согласно которой предрасположенность к экстрасенсорике можно прокачивать изучением гуманитарных наук и искусств. Всему этому в «Гретель» обучают приглашенные специалисты, но, помимо заявленной программы, видимо, идет наработка ментальных способностей.

– Зачем это Саяре?

Я пожал плечами:

– Она уверяет, что действует исключительно из альтруистических побуждений.

– Тогда другой вопрос...

– Зачем это черным копателям Шеллиным?

Женя кивнул. Я вновь дернул плечами:

– Без понятия. Может, и впрямь деньги отмывают.

Женя молчал, переваривая услышанное. Затем оживил айпад, открыл какое-то приложение, подвинул планшет ко мне.

– Повтори еще раз, – попросил он.

– На диктофон?

– Ага...

– Э нет, брат, не обессудь. – Я отодвинул гаджет подальше. – Писать меня не надо.

– Издеваешься? Академия экстрасенсов здесь, в Серпейске! Я такую статью накааю!

Я предостерегающе поднял руку.

– Сейчас ты ничего накаывать не будешь. Саяра попыталась улыбнуться, но за улыбкой я увидел оскал. В «Гретель» что-то нечисто, и нужно продолжать копать.

– Только больше не оставляй меня за бортом, ладно? А то я прям чувствую, как сегодня жизнь мимо прошла.

– Не бойся, не оставлю. Мне не улыбается спускаться под землю в одиночестве.

Женёк не донес кусок штруделя до рта.

– Спускаться под землю?

Я кивнул.

– Хочешь сказать, что собрался...

– Исследовать катакомбы? Так точно!

– Тогда напомним: у Бетреддиновой, если допустить, что она нашла вход, ушли годы на поиски!

– Спорим на обед, мне хватит пяти минут. Я же биологический локатор! Если лазейка существует – я ее найду.

Женя посмотрел на меня как на буйнопомешанного. Затем все же закинул в рот штрудель. Прожевал, запил чаем. Затем сказал:

– Там привидения.

– Привидений не бывает.

– А концентрация радона? Это научный факт.

– У меня дома найдется пара противогазов.

– Думаешь, поможет? Радон радиоактивен.

– Выпьешь водочки опосля.

– Я не сторонник такой банальщины.

– Не занудствуй. Сомневаюсь, что там какие-то запредельные значения радиоактивности. Тем более что нам не обязательно лезть на самое дно. Обгрызем пирог с краев – и вернемся на поверхность.

Женя молчал. Он размышлял, принимая решение. Подобный выход из зоны комфорта казался ему опасностью, а не приключением. Строчить заметки для паблика куда проще, чем следовать им на практике.

– Слушай... – Я подался вперед. – Если не хочешь, я могу и один слазать. Только потом не говори, что жизнь проходит мимо.

– Нет там никаких секретных лазеек...

– Может, и нет... Но если есть... Как же твоя история, что должна рвануть погромче «прецедента»?

Женя поднял глаза. Вот он – интерес!

– Опять же – блог... – продолжал я гнусно манипулировать товарищем. – Ты станешь первым, кому удалось отыскать подземный город и сделать об этом репортаж.

Женя побарабанил пальцами по столу, пристукнул кулаком.

– А давай! В конце концов, будет чем впечатлить Настю!

– Правильно мыслишь, писака. Только ей вовсе не твои истории нужны.

– А что же?

– Решительность. Завтра приезжай ко мне домой часам к десяти. Заодно увидишь, как работает биолок на практике.

– Договорились, друже!

Одним махом я допил кофе.

– Ладно, пора мчать! Ты же заплатишь за мой обед?

– Что?!

Я похлопал парня по плечу.

– Тут недорого вышло. К тому же можешь считать это вложением в общее дело!

Я оставил Женю в компании со штурделем, чаем и моим счетом за обед и выскочил на улицу. Бодрость и энергия переполняли меня.

Глава 4. Липучка для мух

Я вернулся к зданию школы «Гретель» ближе к полуночи. Сидел в машине и слушал, как барабанит по крыше дождь. Глухую улицу тускло освещали фонари, горевшие через один. Окна большинства домов были темны.

Сегодняшний поход в школу абсолютно не удовлетворил моего любопытства, а наоборот – многократно его разжег. Я немного разбираюсь в системах сигнализации и должен вас заверить: в «Гретель» установлена, может, и не лучшая, но чертовски хорошая. Посему, едва покинув стены школы для экстрасенсов днем, я твердо вознамерился вернуться сюда ночью. Но уже по собственной инициативе.

Я сделал глубокий вдох и продолжительный выдох, отбрасывая ненужные мысли, способные заглушить биолок.

С экстрасенсорикой всегда так: важно научиться отделять восприятие от эмоций. Идея тривиальна, но за ней скрывается основополагающая истина. Частенько люди принимают переживания за провидение. Отсюда вытекает ошибочность толкования. «Ах, я же чувствовала! А все вышло совсем иначе...»

Ни хрена ты не чувствовала. Переживала – да. А в это время возбужденный эмоциональный фон вчистую гасил сигнал твоего биологического локатора. Того самого внутреннего голоса, к которому лучше бы прислушиваться. Но, к сожалению, люди охотнее доверяют знакомым чувствам и переживаниям.

Я же давно научился отделять зерна от плевел. Биолок ни с чем не спутаешь. Шестое чувство, если довериться ему, зазвучит куда громче, чем остальные виды восприятия.

Я расширил диапазон биологического локатора, охватывая всю улицу.

Кто-нибудь следит за мной прямо сейчас?

Биолок отозвался равнодушным ощущением пустоты в области солнечного сплетения: «НЕГАТИВ».

Прекрасно, свидетелей нет. Можно действовать.

Я вылез под дождь и пошел вниз по дороге. На мне был комбез черного цвета, облегченные берцы и штурмовые перчатки. На талии – тактический ремень, укомплектованный различными спецсредствами. Голову покрывала вязаная шапочка, при необходимости раскатывающаяся в маску.

Мои намерения были крайне просты: я собирался вломиться в здание школы. Мероприятие отнюдь не благородное и глубоко противозаконное, но что поделать... Я подозревал, что Саяра Бетреддинова со товарищи либо промывают мозги своим ученикам, либо используют «Гретель» в качестве ширмы для иных темных делишек. Я не верил в благородство троицы, но и прямых доказательств их незаконной деятельности не имел. Вот только второе, в отличие от первого, всегда можно отыскать.

Я остановился перед забором, за которым возвышался особняк из красного кирпича.

Пахло сыростью. Небо наглухо затянули тучи. Дирижабль правительства поблизости не наблюдалось. Я вновь сосредоточился на биолоке, послав ментальный запрос:

Есть ли кто-нибудь в доме?

«НЕГАТИВ».

Включена ли сигнализация?

«ПОЗИТИВ».

Что ж, они не для красоты оборудовали помещения системой безопасности. К счастью, для экстрасенса это не должно стать препятствием.

Быстрым движением я раскатал шапочку – черная маска скрыла лицо. Разбежавшись, запрыгнул на забор. Ухватился за верх, подтянулся, легко перемахнул на ту сторону. Призем-

лился в размякшую от дождя почву. Вот и все... Я совершил проникновение в частные владения.

Одиноким фонарь под навесом слабенько освещал фиолетовый минивэн «фольксваген». «Мерседеса» не было. Я взбежал на крыльцо, замер перед входной дверью. Справа располагалась уже знакомая мне кнопочная панель сигнализации. Стандартная модель. Отключение осуществляется путем ввода четырехзначного кода, которого я не знал. К сожалению, продвинутым хакером я тоже не был. По правде говоря, для меня даже обычное включение компьютера может обернуться головной болью.

Но когда ты являешься счастливым обладателем биологического локатора, возможно все.

Максимально собравшись, я задал внутреннюю установку: определить значение первой цифры кода. Скользнул глазами по верхнему ряду клавиш, от единицы до тройки. Биолок молчал. Я сместил фокус внимания на следующий ряд. На клавише «номер четыре» мой внутренний радар ожил, мягкой кошачьей лапкой погладив нервную систему.

«ПОЗИТИВ».

Ага, значит «четверка»! Я ввел значение и продолжил пеленгацию следующей цифры. Снова пробежал глазами по нижнему ряду клавиш.

Приятная дрожь в области затылка проявилась на восьмерке. Нажал соответствующую кнопку, продолжил юзать шестое чувство. Через полминуты у меня был полный код: 4891. Абсолютно не терзаясь сомнениями, вдавил клавишу ENTER.

Небольшой дисплей моргнул тусклым зеленым светом. Из крошечного динамика донесся писк, известивший об отключении сигнализации. Путь в дом был практически свободен. Из кармашка на тактическом ремне я достал небольшой футляр с набором отмычек, подобрал подходящую пару, вставил в замочную скважину. Интуитивное восприятие помогло подобрать верное расположение зацепов, так что возня с замком не отняла много времени.

Ей-богу, временами кажется, что, будь я чуток мелочней и беспринципней, сделал бы удачную карьеру домушника. Но я же за добро, да?

Радуюсь очередной локальной победе, я вошел в прихожую. Во всем доме царила темнота. Я достал компактный фонарик, переместился в актовый зал, далее по винтовой лестнице взбежал на второй этаж и сразу же на третий, где мне не довелось побывать сегодня днем.

Луч фонаря осветил лишь две двери. Не мудрствуя лукаво, я толкнул ближайшую. Заперта. Я вновь вытащил отмычки, задрал маску, зажал фонарик в зубах.

Дверной замок оказался не особенно изощренным. Подобные механизмы за пару минут вскрываются заколкой вашей бабушки. А когда ты располагаешь шикарными отмычками, жизнь превращается в сказку. Мне хватило минуты, чтобы победить замок. Оказавшись в помещении, я прикрыл дверь и осмотрелся.

Самый заурядный рабочий кабинет, абсолютно ничего не говорящий о личности его хозяина. Наверняка он принадлежал Саяре Бетреддиновой...

На своей прежней службе я делил кабинет еще с тремя интересными молодыми людьми. Мы постоянно пили кофе. Очень много кофе. Жили на кофеине. Разумеется, у каждого была своя кружка, которая давала некоторое представление о хозяине.

Шкафообразный капитан Толян потягивал кофеек из огромной, больше напоминавшей кубок кружки с принтом летучей мыши над земным шаром; подвижный старлей Олег, помещенный на автогонках, прихлебывал из сосуда с логотипом «Феррари»; на моей красовалась эмблема Супермена.

А был еще капитан Руслан. Так вот его кружка сообщала минимально возможную информацию о владельце. Без принтов и инкрустаций. Самая обычная, стандартная посуда из нержавеющей стали. Донельзя практичная, как и сам хозяин. Руслан носил неприметную, но функциональную одежду, а вся его жизнь протекала в строго упорядоченной последовательности.

Та же история с Саярой. Ее рабочее место оказалось обставлено ровно таким количеством оргтехники и аксессуаров, которое требовалось для обеспечения деятельности директора частного учебного заведения. Ни больше, ни меньше. Угнетающе безликий кабинет – столь же стандартный, как замок на двери.

Я принялся самозабвенно рыскать по столу. Заглянул в выдвижные ящики, в шкаф. Ничего особенного. Парочка журналов учета посещений, тетрадки с подростковыми каракулями. Создавалось впечатление, что Бетреддинова заходит сюда раз в неделю, выполняет обязательную бумажную работу, а затем забывает про помещение на очередные шесть дней.

Если и мог я наткнуться на темные секреты школы «Гретель», то явно не здесь. И не на втором этаже, где кабинеты отведены исключительно под нужды образовательного процесса. И не на первом – там лишь просторный пустой зал да маленькая сцена.

Тогда где, черт возьми?!

Я вспомнил про вторую дверь и поспешил к ней. Еще минута возни с отмычками – и вот очередная вершина покорила мастерству медвежатника.

Я очутился в помещении, абсолютно идентичном предыдущему. Принялся водить фонариком из стороны в сторону. Что я надеялся найти? Не знаю. Стопки личных дел детей с промытыми мозгами? Карты с отметками мест проведения ритуальных жертвоприношений? Сатанинскую символику, в конце концов? Мои чаяния разбились о нудную тривиальность бытия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.